

АНАСТАС МИКОЯН

Андрей
Рубанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Андрей Рубанов

Анастас Микоян

«ВЕБКНИГА»

2023

Рубанов А. В.

Анастас Микоян / А. В. Рубанов — «ВЕБКНИГА»,
2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504781-5

В кризисные времена всякому обществу нужны сильные лидеры. В благополучные периоды обычно у нас возникает иллюзия, что всё идёт само по себе, один хороший день следует за другим, ничего не нужно менять. Сильные лидеры – инициаторы реформ и перемен – не востребованы. XX век дал миру плеяду громадных фигур, совершенно разных, но схожих по масштабу. Микоян находится в этом ряду. Анастас Микоян – крупный феномен, масштабом личности которого можно лишь восхищаться, надеясь, что новые лидеры будут не менее решительны и масштабны. Как и почему человек, никому не известный сын неграмотного крестьянина, вооружённый лишь интеллектом и волей, вознёсся к вершине власти и повёл за собой народ числом более чем в 200 миллионов? Об этом книга.

ISBN 978-5-23-504781-5

© Рубанов А. В., 2023
© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие	8
1	8
2	10
3	12
Часть I	14
Глава 1	14
1	14
2	19
Глава 2	22
1	22
2	25
3	30
4	36
5	38
Глава 3	42
1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Рубанов

Анастас Микоян. От Ленина до Кеннеди

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Рубанов А. В., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

* * *

Александр

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2163

(1963)

Предисловие

1

Я начал писать эту книгу в первые дни лета 2020 года, в разгар пандемии COVID-19. Для всех тогда настали непростые времена. Люди были напуганы, а многие ударились в панику. Власти запрещали нам покидать свои жилища. Дороги опустели. Магазины были закрыты – все, кроме продуктовых и аптек. В переполненных больницах мучительно умирали те, кому не повезло. Так было не только в России – в половине обитаемого мира.

Никто не знал тогда, что грянут ещё более тяжёлые времена. Всем казалось, что хуже некуда.

И я подумал: а зачем вообще людям, дезориентированным, запертым в своих домах, потерявшим близких, моя история про Анастаса Микояна, советского политического деятеля? Для чего она им теперь, когда по планете гуляет смерть и близится экономический хаос? Почему вдруг моя книга может быть полезна в такие тяжёлые для всех дни?

И нашёл ответ.

В кризисные времена всякому обществу нужны сильные лидеры.

В благополучные периоды – обычно у нас возникает иллюзия, что всё идёт само по себе, один хороший день следует за другим, ничего не нужно менять. Сильные лидеры – инициаторы реформ и перемен – не востребованы.

Но когда всё рушится – мы ищем того, кто готов всё исправить, найти выход и повести за собой отчаявшихся.

Сильных лидеров создают кризисы. В теории так. Но бывают, конечно, и исключения.

XX век породил плеяду громадных фигур, совершенно разных, но схожих по масштабу. Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Мао Цзэдун, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Роберт Кеннеди, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, Махатма Ганди и Джавахарлал Неру – это только первый ряд и только политиков, а есть ещё столь же крупные общественные деятели и мастера искусств.

Микоян находится в этом ряду.

Каждая такая фигура – самостоятельный феномен. Раскрыть секрет феномена сильного лидера – вот моя задача.

Сильные лидеры появляются неизбежно, в ответ на кризисные вызовы Истории. Появятся они и в Новейшие времена, возможно, завтра или в ближайшие годы.

Анастас Микоян – крупный феномен, который я пытаюсь разгадать, а значит, дать читателю – и себе тоже – надежду на то, что скоро придёт кто-то, а лучше двое, или пятеро – тех, кто возьмёт на себя ответственность за судьбы народов и государств.

Сам я являюсь лидером только внутри своего малопопулярного и специфического искусства. За мной не будут ходить толпы. Но зато в своём деле – я точно знаю, куда идти самому и куда потом пойдут другие.

Соответственно, мне кажется, что я знаю, как рассказать про Анастаса Микояна, чтобы читатель восхитился масштабом его личности и обрёл надежду на то, что новые лидеры, которых мы ожидаем, будут не менее решительны и масштабны.

Микоян был большевиком, коммунистом, исповедовал марксистско-ленинскую теорию, а она утверждает, что Историю творят народные массы. Воля масс есть изначальная движущая сила, а лидеры сильны постольку, поскольку ей следуют.

Иными словами, дефицит лидеров в современном мире – следствие отсутствия выраженной воли народов. Лидеры слабы, потому что народы инертны.

Я пишу свою книгу для того, чтобы читатель захотел выйти из пассивного состояния в пассионарное, оглянулся вокруг и увидел лидера, потенциального или уже сформировавшегося, и, может быть, сказал бы ему: иди, я последую за тобой, я тебе верю.

Либо, что ещё лучше, читатель сам обнаружит в себе лидерские качества.

Лично я с удовольствием поработал бы под началом Микояна, не всю жизнь, но какое-то время, два или три года, научился бы у него умению много и плодотворно действовать, ничего не бояться, смело идти на самые рискованные эксперименты и многому другому.

Один сильный лидер – уже хорошо, что когда их двое или трое эффект от их деятельности возрастает кумулятивно, в геометрической прогрессии. Силу троих лидеров следует умножать на девять. Вот почему партия большевиков, совсем немногочисленная, смогла захватить власть в огромной империи; её возглавляли харизматичные, гиперэнергичные лидеры – Владимир Ленин, Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Яков Свердлов. Эффект от их совместной деятельности производил впечатление на рядовых большевиков, берущих пример со старших товарищей.

Так было и с Анастасом Микояном.

Как и почему человек, никому не известный сын неграмотного крестьянина, вооружённый лишь интеллектом и волей, вознёсся к вершине власти и повёл за собой народ числом более чем в 200 миллионов?

Об этом моя книга.

2

Она устроена просто.

По жанру – субъективная историческая беллетристика, рассчитанная на самого широкого читателя.

Я принял принципиальное решение не ставить в тексте ссылок на источники. Я считаю, что ссылки мешают чтению. Ссылки уместны и необходимы в исторических работах, диссертациях, академических монографиях; я же попытался отойти от академизма в сторону занимательности и свободной полемики. А список всех источников будет приведён в конце книги.

Все источники делятся на группы.

Первая группа: архивные документы. Они добыты в основном биографами Анастаса Микояна и хранителями его памяти: его сыном Серго, его внуком Стасом Наминым, историком Игорем Селивановым.

С известной долей гордости могу сообщить, что некоторые документы, например протоколы Сентябрьского 1937 года пленума КП(б) Армении, добытые в архивах Стасом Наминым, описаны мной впервые.

Вторая группа источников – это широко известные монографии, солидные труды специалистов, так или иначе уважаемых в учёном сообществе: Уильяма Таубмана, Александра Панцова, Святослава Рыбаса, Олега Хлевнюка, Александра Пыжикова, Игоря Селиванова и др.

В эту же группу входят авторитетные мемуары самого Анастаса Микояна, Никиты Хрущёва, Георгия Жукова, книги Феликса Чуева, Дмитрия Шепилова, Александра Солженицына, и вообще весь корпус мемуарной литературы, так или иначе изученной профессиональными историками, признанной и достоверной.

Сюда же входят написанные в разное время книги детей и близких родственников высших советских руководителей: Светланы Аллилуевой, Сергея Хрущёва, Серго Берии, Серго Микояна, Степана Микояна, Нами Микоян.

В эту вторую группу входят воспоминания советского посла на Кубе Александра Алексеева и полковника Михаила Деркачёва, офицера по особым поручениям при генерале И.А. Плиеве, повесть Сурена Шаумяна «Бакинская коммуна» и воспоминания Елены Боннэр, и её супруга Андрея Сахарова, и множество других текстов, объединённых по одному принципу: это свидетельства непосредственных очевидцев и участников событий.

Третья группа источников – самая широкая. В неё входят книги литераторов-публицистов, таких же, как я сам, добросовестных, но формально не принадлежащих к науке: Льва Данилкина «Ленин», Леонида Млечина «Брежнев», вообще вся авторитетная историческая публицистика. Сюда же входят и прекрасные художественные свидетельства, они часто бывают точнее и богаче документальных: произведения Юрия Олеши, Варлама Шаламова, О'Генри, Уильяма Сарояна и многих других.

Четвёртая группа – статьи журналистов в Интернете, примечательные и красноречивые, отмеченные публикой, но не оформленные в отдельные книги: Станислава Тарасова, Евгения Жирнова и других.

Пятая группа – мои собственные изыскания, проведённые с помощью друзей, снабдивших меня уникальными материалами, вроде бы известными, например, в Дальневосточном регионе России, но по каким-то причинам не дошедшим до европейской части страны.

Сюда же входят личные свидетельства самого Стаса Намина, записанные мною, и свидетельства членов семьи, записанные ими самими, здесь я тоже имел счастливое «право первой ночи», первым их изучить и препарировать – конечно, не как профессиональный историк, но как внимательный заинтересованный беллетрист.

Наконец, шестая и последняя группа источников – это видео. Часть свободно выложена в Интернет, другая, я надеюсь, будет выложена вскоре. Игнорировать видеоматериалы невозможно. Ознакомление с ними даёт объём, свежесть восприятия.

3

Применительно к этой конкретной книге я всегда видел своё, как автора, преимущество в том, что «пришёл с мороза».

«Прийти с мороза» – профессиональный термин, обозначающий появление в большом и важном проекте дилетанта, парня со стороны, чужого, постороннего, свободного от условностей.

Такой чужак всегда имеет колоссальную фору: свежий взгляд. Опыт наблюдения извне.

В случае с книгой про Анастаса Микояна ситуация была ещё более причудливой. Инициатор создания книги, музыкант Стас Намин изначально тоже оказался «человеком с мороза»: он, хотя и собирал много лет документы и материалы, касающиеся жизни и работы своего деда Анастаса Микояна, и накопил в итоге десятки томов материалов – всё же не мыслит себя ни как биографа, ни как историка, а именно как хранителя памяти.

Стасу, как и мне, казалось, что перечислить сухие факты и даты недостаточно. Это уже сделано учёными, адептами научной теории, лишённой эмоций, а главное – индивидуального взгляда.

Чтобы перезагрузить огромную биографию Анастаса Микояна, нужны были усилия не историков, а именно «людей с мороза», дилетантов.

Раскованных, свободных от условностей. Ибо репутация художника формируется иначе, нежели репутация учёного специалиста.

Так возникла эта книга – одна из задуманных нами трёх, а возможно, и четырёх книг, посвящённых А.И. Микояну. Притом что мы поняли сразу, что ни в трёх, ни в четырёх, ни даже в пяти книгах – исчерпать и описать весь материал невозможно. Анализ одних только протоколов заседаний Политбюро и Президиума ЦК может занять многие тысячи страниц. Ведь там есть искушение обсудить каждую реплику.

Микояну посвящены десятки диссертаций, статей, монографий, исследований, но интересной книги – ни одной.

Почему же люди будущего должны помнить великие деяния Микояна, если таковые никогда не были описаны интересно, живо, легко и доступно для понимания?

«Жизнь двенадцати цезарей» мы тоже знаем по книге Светония, не чуравшегося касаться частных и даже интимных аспектов биографии своих героев.

Почему же нам нельзя делать то, что в своё время было можно Светонию? Притом что его книга – до сих пор весьма популярна?

А между тем члены сталинского и хрущёвского Политбюро и Президиума ЦК оказали на историю человечества не меньшее влияние, чем римские цезари конца дохристианской эпохи.

Почему же Светоний мог написать свою книгу, которую читают уже почти две тысячи лет, а мы не можем написать свою, примерно такую же, на материале, явно превосходящем по масштабу?

Во власти Ленина, Сталина, Берии, Хрущёва, Жукова, Молотова, Микояна находились миллиарды людей на всех континентах земного шара, такой масштаб римским цезарям и не снился – чего же нам теперь скромничать, что нам мешает их возвеличить?

Почему нам, их потомкам, следует стесняться их колоссальной власти, притом что они добились её сами, в том числе с оружием в руках?

Почему вдруг нам стало неудобно говорить, что на протяжении многих десятилетий Советский Союз управлял значительной частью обитаемого мира, от Кубы до Вьетнама, от Анголы до Финляндии?

Почему теперь мы пожимаем плечами: ну да, мы влияли, но теперь не влияем, теперь всё иначе, теперь мы скромнее – а к чему скромничать?

Британской империи уже больше как полвека не существует, но в Лондоне никто не скромничает.

Анастас Микоян – вероятно, один из пяти крупнейших деятелей Советского Союза периода с конца 30-х и до середины 60-х годов XX века, то есть на протяжении 40 лет. Даже сам Сталин находился на партийном Олимпе не так долго.

Наконец, последнее. Литература меняется, так же как и вся жизнь. В будущем литература станет краткой. Время и внимание читателя возросло в цене. Время и внимание – невозобновляемые ресурсы, их следует беречь. Я помещаю на бумагу только те слова, без которых нельзя обойтись. Для меня главное – чтобы через текст шла энергия. Я пишу нервами, разум же выполняет вспомогательные функции. У читателя есть своя голова на плечах, своё умение мыслить, с одной стороны, объективно, с другой стороны – критически. По крайней мере, я желаю ему обрести такое умение, и надеюсь на это.

Часть I 1895–1939

Глава I

Сущность советской тоталитарной системы

1

Роман Джорджа Оруэлла «1984» сейчас в России – хит продаж. Роман гениальный, обсуждать здесь нечего.

В этом романе Оруэлл выдвинул идею о том, что в тоталитарных общественных системах история непрерывно переписывается. «У Оруэлла не совсем так, у него: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».

Оруэлл оказался прав лишь наполовину. В нашей с вами современности история действительно постоянно переписывается – но происходит это и в авторитарных системах, и в либеральных, и в либерально-технократических, и в либерально-олигархических, всюду. В зависимости от общественной конъюнктуры тот или иной деятель объявляется то героем, то злодеем. Одно и то же событие профессиональные историки трактуют то как эпохальное, то как незначительное. Но они хотя бы имеют на вооружении научные методы, а вот историки непрофессиональные, любители, публицисты, журналисты, самоучки и недоучки, гуманитарии широкого профиля часто вообще ничем себя не ограничивают. Бурный расцвет социальных сетей дал всем этим людям – а их десятки тысяч – трибуну для высказывания, и они с неё не слезают.

Голоса серьёзных экспертов, авторитетных специалистов тонут в информационном шуме, производимом legionами дилетантов и демагогов, выдающих себя за профессионалов.

Появились историки модные, историки-звёзды, специалисты по раздаче звонких интервью.

История в принципе – наука точная или, вернее, стремящаяся быть точной: она опирается на факты, даты, имена. Но в этой науке, в отличие, например, от химии, важную роль играет интерпретация факта. Периодическая таблица элементов не нуждается в комментариях. Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, тут не о чем спорить. История же предполагает не только вскрытие факта, но и его комментарий. Эта особенность исторической науки даёт простор для дискуссии – а в ней часто побеждает не самый квалифицированный специалист, но самый умелый спорщик. Описывая историческое событие, опытный демагог легко передёргивает, подтасовывает, жонглирует терминами, часто его просто невозможно поймать на лжи.

Нужна ли вообще историческая правда, если люди хотят обманываться? Общество тяготеет к простым объяснениям. Сложные теории никогда не бывают популярны.

Мы живём в информационную эпоху. Интернет подарил нам свободный доступ ко всему массиву информации, накопленной человечеством, и это бесценно. Однако тот же Интернет дал возможность каждому человеку свободно генерировать собственную информацию. Социальные сети переполнены ею. Теперь каждый сам себе умник и герой. Это неизбежно привело к кризису института экспертизы. Безусловных авторитетов более не существует. Любой эксперт может быть мгновенно осмеян, любая репутация – уничтожена в считанные часы. Культура

дискуссии исчезает, люди разучились работать с аргументами. Серьёзного специалиста очень трудно отличить от шарлатана.

Профессиональный эксперт тщательно взвешивает каждое своё слово, и поэтому с ним скучно – зато с демагогом и популистом, наоборот, весело. А широкая публика очень любит, когда весело.

Информационная революция не изменила историческую науку, она как и раньше опирается на факты, но изменила отношение общества к ней. Сейчас каждый гражданин, основываясь на собственных взглядах, на собственной морали, может выбрать тут версию истории, которая ему удобна. Сторонники Сталина читают одни книги, противники – другие. В обоих лагерях – свои эксперты и авторитеты. И там и тут предпочтение отдаётся не самым квалифицированным ораторам, но самым ярким и шумным.

В ситуации информационного балагана серьёзный специалист, избегая психологической травмы, вынужден вовсе устраниваться от ведения дискуссии, избегать споров, замыкаться, закрываться, и чем выше его квалификация – тем тише звучит его голос, и тем реже он раздаётся.

Так мы подходим к парадоксу, который, возможно, оценил бы и Оруэлл: слушать надо не того, кто говорит, а того, кто помалкивает.

Споры об истории никогда не прекратятся. Год от года интерес будет только усиливаться. Индустриальное общество создавало товары: чем больше, тем лучше. Информационное общество, соответственно, создаёт информацию. В том числе и историческую. В будущем нас ожидает вал книг, фильмов, монографий, лекций. Не только по истории – обо всём на свете. Но и по истории тоже.

Кроме того, следует помнить, что изначально история была вовсе не наукой. Древние греки считали историю искусством. Покровительницей истории была муза Клио, дочь верховного бога Зевса и богини памяти Мнемозины. В обязанности Клио входило воспевание славных деяний героев прошлого. Изначально «история» – это набор гимнов, воздающих хвалу героям. Концепция героя, совершившего подвиг и овеянного славой – для истории ключевая. Без героев цивилизация не может существовать. Герои – примеры для подражания, ими гордятся, им подражают. Герои раздвигают границы возможного.

Поскольку великие герои утверждают себя не в пустоте, а в битве с неприятелем – история хранит память не только о них, но и о поверженных врагах.

Герой моей книги – Анастас Иванович Микоян, один из крупнейших политических деятелей советского периода.

Личная история этого невероятного человека начала переписываться ещё при его жизни, в 70-е годы XX века, во времена правления Леонида Брежнева. Почему это случилось будет сказано ниже. Пока же зафиксируем только то, что имя Микояна на протяжении примерно 15 лет целенаправленно вымарывалось из советской истории, в точности по методике Оруэлла.

Руководил этим процессом Михаил Сулов, главный идеолог Коммунистической партии, а потом его сомнительный приемник Александр Яковлев, так называемый «архитектор Перестройки».

В первую очередь, конечно, вычеркнуть хотели Сталина, и это в общем удалось. В 70-е годы выросло новое поколение советских граждан (моё поколение) – знавшее про Сталина только то, что он был Верховным главнокомандующим Рабоче-крестьянской Красной армии одержавшей победу в величайшей в истории войне. Вся прочая информация о Сталине была удалена: его восхождение к власти, схватка с Троцким, коллективизация, Большой террор, лагеря – всё было вычеркнуто. Соответственно, вычеркнули и всех соратников Сталина, в первую очередь наркомов внутренних дел – Генриха Ягоду, Николая Ежова, Лаврентия Берия, а затем и остальных: Лазаря Кагановича, Николая Вознесенского, Георгия Мален-

кова, Анастаса Микояна. Клим Ворошилова удалось вымарать лишь частично: он был героем Гражданской войны, а герои, как мы помним, нужны всегда.

Вячеслава Молотова вымарать тоже не удалось – всё-таки народный комиссар иностранных дел, десять лет отвечавший практически за всю внешнюю политику.

С трудом, но всё же удалось частично вымарать и Никиту Хрущёва.

А поскольку Микоян был одной из ключевых фигур в команде Сталина и ключевым – в команде Хрущёва, его вымарывали изошрённо.

В этом деле Сулову помог сын Хрущёва – Сергей Никитович, который был убежден, что в 1964 году Микоян предал его отца. Сергей Никитович начал личную вендетту против Микояна, но не довёл дело до конца, отбыл в США.

Осталась лишь пущенная в оборот поговорка «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», остался мясокомбинат, названный его именем.

В конце 80-х годов, уже при Михаиле Горбачёве и Александре Яковлеве, во времена гласности, историю СССР переписали едва ли не полностью, – этому я был внимательным свидетелем. Практически мгновенно была опубликована громадная литература о Сталине, о его просчётах, о его ГУЛАГе, о его верном Лаврентии Бери. Но поскольку Микоян к тому времени уже был надёжно вычеркнут, да вдобавок минимально замазан в репрессиях – луч внимания общества скользнул мимо него. Публика жаждала леденящих разоблачений. Микоян не вписался в дискурс. Он никого не пытал в подвалах НКВД. То ли дело «кровавый карлик» Ежов.

Наконец жажда крови была удовлетворена, Сталин объявлен палачом, Советский Союз прекратил существование, начались 90-е, кровь полилась въяве, а не со страниц книг. На некоторое время люди позабыли о прошлом: нужно было строить новое настоящее, «Новую Россию», «свободную», сбросившую оковы тирании.

Азартное построение «новой, свободной, демократической России» привело к войне в Чечне, и к полному банкротству государства в 1998 году.

Наконец началось правление Владимира Путина. Но чем более твёрдым оно становилось, тем громче звучали разговоры про тирана Сталина. Этими разговорами российское общество вроде бы надолго объелось в конце 80-х, вроде бы всё ясно уже было со Сталиным, каждое слово его запротоколировано и описано, любой желающий мог плюнуть на его могилу, память жертв репрессий увековечили, архивы – открыли, безвинно погибших – оплакали. Те, кто появились на свет после развала СССР, уже родили собственных детей. Двадцать лет – это много. За 20 лет, с 2000-го по 2020-й, мир изменился необратимо. Перед человечеством открылись совсем другие горизонты.

Но вдруг Сталин всем снова понадобился.

Эта книга писалась в 2020–2022 годах, 69 лет прошло с момента смерти Сталина, вроде бы его время прошло безвозвратно. Нет больше Сталина. Те, кто родился при Сталине – сейчас старики.

Не стану врать, первое время я недоумевал, зачем в 2020 году изучать деяния Сталина, если они были всесторонне изучены и оценены в 1988-м? Огненные дискуссии гремели, Верховный совет заседал. Александр Солженицын, вчера приехавший из Америки, в специально пошитом военном френче, выступал громогласно и учил нас, как обустроить Россию.

Нынешние, 2022 года публикации не добавляют ничего нового к публикациям 1988-го – скорее наоборот, раньше публикации были более серьёзными, аргументированными, выверенными, в духе академической школы советской истории, даже если это были публикации не научные, но научно-популярные.

Нынешние антисталинские памфлеты – будем честны – ниже качеством.

Не стоит заблуждаться: современный интерес к советскому периоду истории связан вовсе не с жаждой исторической правды. Причины – политические, сугубо конъюнктурные. Ста-

лина выкопали, чтобы критиковать современную российскую авторитарную государственную систему.

С этой целью демагоги от исторической науки – а их, повторим, в десятки раз больше, чем серьёзных исследователей, – поставили знак равенства между авторитаризмом и тиранией. СССР им не интересен, их задача – разрушить современное российское государство.

Политическая деятельность не имеет никакого отношения к науке, но демагога и манипулятора это не беспокоит. Для демагога нет слишком сильных терминов, он кричит о тирании всякий раз, когда полицейский ударит дубинкой малолетнего демонстранта.

Однако суть тирании – вовсе не в жестокости силовых структур.

Тирания начинается там, где граждане страны оказываются в заложниках у тирана.

Тиран уничтожает не только своих внутренних врагов, настоящих и мнимых, но их семьи.

Тиран убивает не только своего врага, но его жену и детей.

Любой современный российский гражданин, резко недовольный авторитарной системой управления, может свободно уехать из страны вместе с семьёй. Многие так и делают.

Из СССР времён Сталина уехать было нельзя. Только сбежать.

Тиран желает властвовать не только над миром живых, но и над миром усопших. От тирана нельзя скрыться, даже совершив самоубийство. Тиран отомстит и мёртвому.

В этой книге будет сделана попытка непредвзятого исследования механизмов тирании, применительно к фигуре Сталина. Ибо, говоря о фигуре Микояна, нельзя умолчать о Сталине.

Микоян работал под непосредственным началом Сталина с 1926 по 1953 год – 27 лет. Он входил в «ближний круг» Сталина. Их отношения трансформировались от товарищеских до резко враждебных.

Но мы докажем, что Микоян, более четверти века исполнявший волю тирана, однажды нашёл в себе силы не только отречься от Сталина, но и помочь это сделать другим.

Мы проследим моральную, идеологическую трансформацию Микояна, мы обнаружим, что он был человеком титанического склада ума и характера, и в этом смысле вполне конгеннален Сталину.

Мы обнаружим, что Микоян – политик, равный Талейрану, крупнейший дипломат, принципиальный проводник социалистических идей на планете.

В искусстве дипломатии Микоян превзошёл Молотова, и тот ему этого никогда не простил.

Микоян вёл переговоры с Мао Цзэдуном, с маршалом Иосипом Броз Тито, Хо Ши Мином, Ким Ир Сенем, Фиделем Кастро, Дуайтом Эйзенхауэром, Джоном Кеннеди. Микоян держал в своих руках нити тайной дипломатии XX века.

В истории СССР Анастас Микоян – один из десяти или семи ключевых персоналий: это один из атлантов, державших на плечах первую в истории мировой цивилизации социалистическую страну, один из её создателей; один из главных моторов невероятного эксперимента.

Через личность Микояна постигается весь советский проект, вместе с Лениным, Сталиным, Хрущёвым и Брежневым.

Поразительно сейчас сознавать насколько быстротечна оказалась история СССР. Всего 70 лет. Одна человеческая жизнь. Пройдёт время, и историки будут особо отмечать именно кратковременность этого промежутка.

Пройдёт 200 лет – и эти наши «70 советских», от Ленина до Горбачёва, будут казаться неким казусом.

Но при этом масштабы содеянного за эти краткие 70 лет – поистине колоссальны. Это никак невозможно отрицать. Кровь лилась рекой. Живых людей, мужчин, женщин, подростков и даже детей, уничтожали целенаправленно. Ценой многих жертв страну укрепили, полностью реформировали, превратили из крестьянской, аграрной – в индустриальную, построили

города, освоили необъятные территории, победили в самой страшной войне за всю историю человечества, восстановили страну после войны, обрели сверхоружие как гарантию безопасности, во избежание новой войны.

Этот рывок, не имеющий аналогов в мировой истории, по факту был совершён вовсе не за 70, а приблизительно за 40 лет, с 1917 по, например, 1957-й – в том году полетел спутник; Хрущёв уже держал в руках ключи от всей планеты.

Брежнев получил в распоряжение уже готовую сверхдержаву с населением в 200 миллионов человек, с атомными бомбами, космонавтикой, с международным авторитетом, с самостоятельной внешней политикой (к сожалению, убыточной), с мощной взбудораженной культурой: конец хрущёвской эпохи и был наивысшей точкой развития планетарного советского проекта.

Вот о чём будут спорить историки будущего. Как такое было возможно за четыре десятилетия? Совершенно фантастический созидательный рывок. Такое было совершено только один раз и очень давно, в других цивилизационных обстоятельствах – при Петре I.

Подобные невероятные свершения были возможны в России только при одном условии: максимально жёсткой власти, то есть при диктатуре.

Весь советский проект длиной в 70 лет был диктатурой. Он изначально задумывался Лениным как диктатура. Моисей, когда вёл свой народ 40 лет по пустыне, тоже был диктатором: ему верили и подчинялись безоговорочно. Библейские 40 лет похода Моисея, как ни странно, соответствуют 40 годам взрывного развития СССР: не три десятилетия, не пять, а именно четыре.

Под диктатурой Ленин полагал железную дисциплину и суровые наказания для врагов. Беспощадное физическое уничтожение врагов нового строя провозгласил именно Ленин, в декрете-воззвании от 21 февраля 1918 года «Социалистическое отечество в опасности», – для Сталина он стал Нагорной проповедью.

Сталин делал только то, чего хотел его учитель.

Согласно учению Ленина, диктатура пролетариата в новом обществе должна была сочетаться с демократическим принципом управления. Страной управляла социал-демократическая партия большевиков. Высшим органом партии был Центральный комитет, а самым высшим, выше некуда – Политбюро Центрального комитета: 10–15 человек, вершащих судьбы страны. Микоян входил в их число.

И в ЦК, и в Политбюро все решения выносились на свободную дискуссию и решались демократическим путём, голосованием. Демократический принцип, то есть следование воле большинства, был заявлен в самом названии партии. 10–15 человек регулярно собирались и обсуждали важнейшие решения под протокольную запись. Сам Сталин старался соблюдать демократическую процедуру, хотя бы формально: достаточно прочитать протоколы заседаний. Исключение составляет лишь период войны, 1941–1944 годы, когда собираться было просто некогда; по свидетельству самого Микояна, все члены высшего руководства страны просто созванивались несколько раз в день и все проблемы решали по телефону.

Советская диктатура не совершала преступлений в современном юридическом смысле.

Колоссальный рывок предполагал колоссальные жертвы.

Современные историки уже давно не спорят о репрессиях Сталина: все факты давно доказаны.

Ключевой аспект обсуждения фигуры Сталина – не в количестве расстрелянных врагов народа. Сейчас основной вопрос российской исторической науки заключается в том, был ли Сталин сознательным архитектором, принципиальным конструктором нового общества – либо просто властолюбцем, который вершил свои деяния наугад, следуя лишь стремлению подчинять нижестоящих.

Ненавистники Сталина, критики советского проекта, антикоммунисты организованно сплотились вокруг идеи о том, что Сталин всегда был ничтожеством, «гангстером» и главой шайки таких же «гангстеров», а все достижения социализма – либо вторичны по отношению к жажде власти, либо и вовсе случайны.

Сторонники Сталина – а их много больше, чем ненавистников, – легко готовы назвать его диктатором, но при этом указывают на огромные масштабы преобразований, состоявшихся под его руководством. Кроме того, Красная армия внесла ключевой вклад в уничтожение нацизма, одержала победу в самой кровопролитной и масштабной войне в истории человечества, а Сталин был Верховным главнокомандующим. От этого факта нельзя спрятаться, его нельзя отменить.

2

Если представить историю человеческой цивилизации как одни календарные сутки в 24 часа, то окажется, что принципами гуманизма, «права на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» человечество озаботилось только в последние секунды этих суток.

Величайший философ древнего мира Аристотель вообще не считал рабов людьми – для него они всего лишь разновидность орудий труда: мычащие – волы, молчащие – мотыги, говорящие – люди-рабы.

Автор Декларации независимости США Томас Джефферсон, внесший в нее положение, что все люди по рождению равны, сам был крупным рабовладельцем, и далеко не милосердным. Он утверждал, что его состояние ежегодно увеличивается на 4 % только благодаря рождению новых чернокожих рабов. Своим друзьям «отец-основатель» советовал «инвестировать в негров». В середине XIX века в США подобные инвестиции были вторыми по привлекательности, после вложений в покупку земли.

В ходе Первой мировой войны погибло, по разным оценкам, не менее 10 миллионов военнослужащих различных армий, более 18 миллионов было ранено. Мирных жителей – по разным сведениям от одного до более десяти миллионов.

В разразившейся в 1918–1919 годах эпидемии испанского гриппа погибло от 12 до 50 миллионов. Некоторые историки называют и цифру в 100 миллионов.

Эпидемия чумы в Китае и Индии в 1910–1913 годах унесла порядка одного миллиона жизней.

Эпидемии туберкулёза, брюшного тифа и холеры уносили миллионы жизней по всему земному шару.

Широко известен пример и рукотворной эпидемии: в результате активной продажи англичанами опиума в Китае, сопровождавшейся опиумными войнами, к концу XIX века до 40 млн китайцев (каждый десятый) стали опиумными наркоманами.

Ещё более страшным бичом были эпидемии детских заболеваний и детская смертность: вплоть до начала XX века в аграрных обществах каждый третий ребёнок умирал от оспы, дифтерии, кори, не достигнув совершеннолетия.

Колонизация Африки сопровождалась огромными жертвами. Только в бельгийском Конго с 1885 по 1908 год погибли 6 миллионов африканцев (по другим источникам – до 10 миллионов), и эти злодеяния не были расследованы и не были признаны ни преступлением против человечности, ни геноцидом, поскольку ни того, ни другого юридического определения просто не существовало.

Термин «преступление против человечности» появился уже после Первой мировой войны, в 1915 году: впервые он был озвучен в декларации Великобритании, Франции и России об уничтожении армян в Османской империи.

Впервые термин «геноцид» был введен в оборот юристом Рафаэлем Лемкиным (1900–1959) в 1933 году в связи с расследованием массового уничтожения армян в Турции. Официально в международной практике этот термин используется только с 9 декабря 1948 года – даты принятия ООН «Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него». Разработку и принятие этой конвенции инициировал все тот же Лемкин, за что в Ереване ему установлен памятник.

Любимый англичанами и уважаемый во всём цивилизованном мире британский премьер-министр Уинстон Черчилль и возглавляемое им правительство несут ответственность за смерть от 1 до 3 миллионов граждан Индии во время голода в Бенгалии в 1943 году. Индеец Черчилль называл «отвратительными людьми с отвратительной религией».

С декабря 1937-го по февраль 1938 года солдаты Японской императорской армии во время штурма Нанкина – столицы Китая – уничтожили, по разным оценкам, от 40 до 500 тысяч китайцев, как военнопленных, так и гражданских лиц, из них половина погибла от артобстрелов и бомбовых ударов, а половина – в результате беспрецедентно кровавой резни, начавшейся после захвата города. Командующий японскими войсками принц Асака Ясухико так и не понёс никакого наказания. Впрочем, Япония не признает этих цифр, хотя не отрицает факта кровавого штурма Нанкина.

Общее число жертв Японо-китайской войны 1937–1945 годов по подсчётам китайских историков – около 35 млн человек, большая часть – гражданское население Китая.

Нужно учесть, что девять из десяти человек, населявших планету Земля в начале XX века, ничего не знали ни про убийства армян или китайцев, если только сами не были армянами или китайцами. Люди не умели читать, не пользовались радиоприёмниками, не выписывали газет. Доступ к информации имела только элита, узкий слой образованных людей.

Элита имела в своём распоряжении и телеграф, и телефон, и радио, и периодическую печать, и книги, и кинематограф. Но под ногами своими элита ощущала пустоту. Могущество правящего класса целиком опиралось на невежество низших классов.

Это невежество острее всего ощущала русская интеллигенция – особенная прослойка людей, не имеющая прямого аналога в западных цивилизациях. Интеллигенция – педагоги, врачи, юристы – целенаправленно, не ставя перед собой цели обогащения, работала над просвещением нижних классов, над поднятием уровня культуры. Русская литература устами Николая Некрасова, Антона Чехова, Михаила Булгакова, Викентия Вересаева красноречиво зафиксировала этот неблагодарный процесс, растянувшийся на десятилетия.

Сто двадцать миллионов крестьян, расселившихся на огромных просторах Российской империи, интересовались политикой только в том случае, если она их касалась напрямую: война, призыв новобранцев, рост цен и т. д.

Эти крестьяне хорошо знали, когда сеять, когда собирать урожай, но их интересы не выходили за границы повседневных забот.

Среднестатистический гражданин Российской империи в начале XX века – крестьянин, умелый и терпеливый сельскохозяйственный труженик, живущий родовой общиной, в окружении братьев, сестёр и многочисленных родственников, при этом неграмотный либо малограмотный, никогда не покидавший границ своей губернии, привыкший хоронить собственных детей, ищущий утешения в религии – и, как правило, беспомощный перед начальником любого ранга.

Но страна не могла стоять на месте: ей требовались железные дороги и подвижной состав, средства связи, автомобили, металлообрабатывающие станки, современные вооружения, электричество, высшая школа для подготовки инженеров. Требовались, наконец, решительные лидеры, способные провести реформы и повернуть империю на новый курс.

Перемены сами собой не происходят, их нужно организовывать, и по возможности проводить твёрдой рукой, поскольку любая реформа, даже задуманная с самыми благими целями, обязательно провоцирует социальные конфликты.

Но реформы – не единственный способ разрешения накопившихся противоречий, есть ещё два способа: первый – революция, то есть насильственное свержение существующей власти, второй – война. Последний способ – наиболее кровавый и болезненный, но очень действенный. Война, даже проигранная, резко обновляет любое общество. Гитлер пришёл к власти в стране, униженной поражением в Первой мировой войне, под лозунгом возрождения германской нации, восстановления исторической справедливости.

Кроме того, война способствует резкой ротации элиты.

Но у России, по обиходному выражению, «особый путь». В России начала XX века реформы, революции и войны составили единое целое. По стране загулял смертельный ураган.

Ненависть к самодержавию в среде русской интеллигенции достигла такого накала, что вылилась в создание террористических организаций. Участники одной из первых – «Народной воли» – в 1879 году организовали несколько взрывов и 1 марта 1880-го убили царя-реформатора Александра II.

Преемниками народовольцев объявили себя члены Боевой организации эсеров, на их счету более 250 террористических актов. Самые известные убийства: министра внутренних дел Дмитрия Сипягина (2 апреля 1902 года) и его преемника Вячеслава фон Плеве (28 июля 1904 года), уфимского губернатора Николая Богдановича (6 мая 1903 года), великого князя Сергея Александровича (4 февраля 1905 года), петербургского градоначальника Владимира фон дер Лауница (21 декабря 1906 года)...

Самодержавная система отвечала ещё более кровавыми акциями: 9 января 1905 года – в Кровавое воскресенье – была расстреляна рабочая демонстрация, более ста человек погибли.

Выстрелы и взрывы гремели повсюду, от Уфы до Одессы, счёт шёл на сотни жертв.

В 1904-м началась война с Японией, потеряна большая часть флота, около ста тысяч человек убитыми, ранеными и пленными.

Шестого августа 1905 года император своим Манифестом объявил об учреждении Государственной думы, первого в истории страны парламента.

Двадцать третьего августа подписан Портсмутский мирный договор между Россией и Японией: потеряна половина Сахалина.

Но император живёт в своём особенном мире: через два месяца – 1 ноября – состоялась его первая личная встреча с Григорием Распутиным.

До Октябрьской революции ещё очень далеко – 12 лет.

Все реформы отданы на откуп новому министру внутренних дел Петру Столыпину, однако и он, пережив множество покушений, погиб в Киеве от пули террориста в сентябре 1911 года.

Через 5 месяцев – 4 апреля 1912 года – горные рабочие золотых приисков в Бодайбо подняли восстание, и их расстреляли, событие получило название «Ленского расстрела»: только погибших было 170 человек. Согласно апокрифам советской исторической науки, Владимир Ульянов взял себе псевдоним Ленин в память рабочих, погибших на Ленских приисках.

Но про Ленина пока мало кто знает. Образованная молодёжь читает Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Августа Бебеля, Георгия Плеханова, Николая Чернышевского, Максима Горького, Дмитрия Писарева.

В стране – бурный расцвет кинематографа, но он считается развлечением для простолюдинов. Модная столичная публика боготворит поэтов.

Держава пребывает в состоянии неустойчивого равновесия. Но всё ещё стоит, опираясь на 120 миллионов крестьянских спин.

Они – соль земли, на них всё держится, и кажется, что так будет всегда.

Глава 2 Горец

1 Детство

В этом мире российского самодержавия начала XX века, в мире, донельзя расшатанном противоречиями, военными и политическими кризисами, в мире, летевшем на всех парах к мировой войне, появился однажды, в августе 1906 года, армянский мальчик неполных 11 лет.

Мальчик этот буквально спустился с гор, с высоты более 1000 метров над уровнем моря, из маленькой деревни, прилепившейся к краю горного ущелья.

В большой мир он пришёл с определённой целью: учиться.

Он не знал никаких языков, кроме родного армянского. Он только год, как научился читать, тоже по-армянски, но понемногу заглядывал уже и в русские книги.

Говорить по-русски он научился только потом, да и то с густым армянским акцентом, от которого не избавился до конца жизни, причём в периоды стрессов, сильного волнения акцент становился сильнее, настолько, что бывало собеседники просто не могли его понять.

Мальчик был худой, но крепкий, всё-таки вырос в условиях, которые сейчас можно назвать курортными. Он не испытывал никаких проблем со здоровьем, за исключением странной особенности: организм не принимал мяса. Аллергия на мясо – очень редкая генетическая аномалия, возникающая по непонятным причинам. Откуда она появилась у армянского мальчишки – бог весть. Биографы Микояна Михаил Павлов и Игорь Селиванов смогли избежать искушения связывать аллергию Микояна на мясо с недостатком этого продукта в советской системе торговли и общественного питания. Действительно, такой связи вообще не существует. Значение мяса как важного элемента рациона питания Микоян всегда оценивал объективно и очень высоко.

Он ел хлеб, сыр, овощи и фрукты. Однако пищевой вкус имел чрезвычайно развитый, потом он навяжет его огромной стране.

Очень подвижный и невероятно лёгкий на ногу. С семи лет – пастух, бегал за козами по горным склонам, исхаживал по несколько километров каждый день. Всю жизнь, до старости, будет ходить быстро, вынуждая подчинённых буквально бегать следом. Ездить тоже будет быстро. Первым из членов Политбюро освоит перемещение на аэропланах. Авиаперелёты, вплоть до преклонных лет, в том числе через половину земного шара, всегда будет переносить легко. По всей видимости, джетлаг ему вовсе был неведом: тоже странная, уникальная особенность его физиологии.

Не только перемещаться – он и думать умел быстро, любого собеседника просчитывал на три хода вперёд, и приобрёл международную славу сильнейшего переговорщика.

Воспитан в патриархальной крестьянской семье, в первую очередь – в привычке к труду, во вторую очередь – в почитании старших.

Култ старшинства, повсюду укоренённый на Кавказе и в Закавказье, сыграет в его судьбе большую роль, особенно в первой половине жизни. Оценивая его фигуру, нельзя не учитывать эту базовую, воспитанную с младенчества привычку; она потом легла в основу его сложных отношений со Сталиным и лидерами страны 20-х годов.

К вере в Бога был совершенно равнодушен, хотя вырос рядом с древним монастырём¹. Насколько религиозна была его семья – неизвестно, упоминаний об этом нет.

Такой вот паренёк, крестьянский сын, однажды осенью 1906 года вместе с отцом сел в вагон поезда на станции Алаверди и впервые в жизни проехал по железной дороге, и прибыл в город Тифлис, культурную столицу Закавказья.

* * *

Предок Анастаса Микояна носил фамилию Саркисян и жил в Нагорном Карабахе. По крови Микояны – карабахские армяне, люди горячие, упорные и упрямые.

Карабахский армянин Саркисян в самом начале XIX века стал отцом двух сыновей, и назвал их в честь сыновей российского императора Павла: одного – Алексан, в честь Александра Павловича (будущего императора Александра I), второго – Мико, в честь его брата великого князя Михаила Павловича.

Почему вдруг армянский крестьянин назвал детей в честь сыновей русского царя, догадаться нетрудно. В те времена на территории нынешней Армении шла Русско-персидская война. В мае 1804 году Карабахское ханство перешло под власть Российской империи. При персидском владычестве армяне подвергались сильнейшим притеснениям, и на русских солдат смотрели, как на освободителей.

В 1813 году во время очередной этнической резни отец и мать Саркисяны были убиты. Их сыновья бежали из Карабаха в Северную Армению, в село Санаин, и там записались по фамилиям, произведённым от имён: Алексанян и Микоян. То есть, сама фамилия Микоян происходит от имени великого князя Михаила Павловича из дома Романовых и соответствует русскому Михайлову.

Село Санаин – старое, оно возникло возле одноимённого монастыря, на склоне глубокого горного ущелья, пробитого рекой Дебед. Это самый север нынешней Армении, тогда – Тифлисский (а с 1880 года – Борчалинский) уезд одноименной губернии. Село расположено на южной стороне ущелья, а прямо напротив него, на северном склоне – село Алаверди, значительно крупнее.

В тёплый сезон здесь очень душно и жарко. Климат для сельского хозяйства подходящий, но плодородных участков, пригодных для распахивания, мало, в основном каменистые горные склоны.

Эти земли, как и вся Армения, входили в состав Российской империи. Ими владели армянские князья Аргутинские-Долгорукие. Когда в конце XIX века здесь была найдена медь, пробивать шахту наняли опытных греческих рудокопов. Алаверди изначально – греческая колония. Здесь поставили медеплавильный завод, исправно работавший более ста лет. Разработки шли успешно, и появилась сначала железная дорога на Тифлис, затем гидроэлектростанция. По железной дороге отсюда до Тифлиса – меньше ста километров.

Предприятием по концессии управляла французская горнодобывающая компания, шахтёрами традиционно были греки, передававшие по наследству свою квалификацию и рабочие места. Для прочих нужд – нанимали армянских крестьян из соседних сёл. Так нанялся на Алавердинский комбинат крестьянин Ованес Нерсесович Микоян, сын Нерсеса Микояна и правнук карабахского Саркисяна, основателя рода.

---

¹ Монастырь Санаин армяне строили 300 лет, с X по XIII век. Монахи монастыря перевели здесь на армянский сочинения Платона и Аристотеля. В селе Санаин родился в 1712 году Саят-Нова (Арутюн Саядян), поэт и просветитель, владевший всеми наречиями Закавказья. В школе санаинского монастыря учил детей грамоте ещё один просветитель – Хачатур Абовян. Но, согласно свидетельствам самого Микояна, в начале XX века санаинский монастырь отнюдь не процветал.

Каждый день Ованес спускался со склона ущелья вниз, переходил реку по горбтому каменному мосту, поднимался вверх. Работал плотником. Домом и хозяйством занималась его жена Талита. В селе Санаин жили ещё семеро братьев и сестёр Ованеса – детей Нерсеса и Вартигер.

Их старший сын Ерванд, когда возмужал, тоже определился на медеплавильный завод, между прочим, молотобойцем, то есть физически был очень крепкий человек.

После Ерванда родилась дочь Воскеат.

Третьим, 25 ноября 1895 года, появился на свет снова мальчик, получивший имя Анастас. К моменту рождения Анастаса его дед Нерсес уже умер.

После Анастаса Ованес и Талита родили младшую дочь Астхик и младшего, третьего сына, получившего имя Ануш; позже Ануш взял себе русское имя Артём и стал авиаконструктором, разработчиком истребителей МиГ (где первая буква «М» и означает «Микоян»).

Однако, как мы видим, село Санаин в конце XIX века вовсе не было глухим углом, тупиком цивилизации. Скорее, наоборот. С одной стороны – древний действующий монастырь, с другой стороны – грохочущий завод; русская, французская, греческая речь; железная дорога, газеты, телеграф и телефон.

Своё детство Анастас Микоян подробно описал дважды, сначала в книге «Дорогой борьбы» (1971), а потом в гораздо более известной книге «Так было» (1999). Некоторые детали истории семьи привёл его сын Степан Микоян, в книге «Воспоминания военного лётчика-испытателя» (2014). Также есть интересные подробности в биографической книге «Артём Микоян» (1978) историка Михаила Арлазорова.

Ованес зарабатывал 38–40 рублей в месяц. Деньги приберегали для покупки предметов, которые нельзя было изготовить самостоятельно, например плотницкого инструмента. Покупали керосин, чай, сахар. По большей части семья жила натуральным хозяйством. Одежду и обувь шили сами. Дети с раннего возраста были вовлечены в хозяйственный круговорот. Анастасу доверили обязанности пастуха, козопаса. Один из будущих создателей советской цивилизации провёл детство, бегая в самодельной обуви за козами по горным склонам, следя за тем, чтобы хитроумные животные не вторглись на чужие посадки и не потравили всходы.

Все ровные участки земли с плодородной почвой отводились под пашни, а дома крестьяне ставили на склонах, уступами: внизу – курятник, катух и хлев, козы, куры, ослики; наверху – жилые комнаты и просторный балкон: в жаркое время года там и ужинали, и спали.

Вокруг – леса, дикие яблони, груши, кизил и грецкие орехи. С наступлением осени всё население уходило в леса и занималось собирательством. Яблоки солили и сушили. Грецкие орехи привозили огромными мешками. Сейчас это представляется как буколическая, пейзажная картина: дикие фрукты, орехи, козий сыр, горный воздух, обомшелые стены тысячелетнего монастыря. В наше время богатые горожане платят большие деньги, чтобы пожить в таких условиях две или три недели.

Первые десять лет жизни Анастаса заложили основу его огромного физического здоровья. Впоследствии он переболеет считавшимися смертельными болезнями, сначала малярией, потом туберкулёзом, но уже к своему 35-летию подойдёт в исключительной физической форме.

Психологическая обстановка в семье Ованеса и Талиты была чрезвычайно мирная, счастливая. Отец – добрый, мягкий человек – много работал и, конечно же, не имел времени особо возиться с детьми. Конструкция семьи была крестьянская, патриархальная, все работали с утра до ночи, начиная с шестилетних детей и заканчивая глубокими стариками. Родители воспитывали детей главным образом личным примером.

Анастас потом будет вспоминать всего два случая, когда отец был им недоволен и ругал его. И тот факт, что Анастас запомнил гнев отца, указывает на единичность таких событий. О матери же упоминания только в превосходной степени. Очевидно, эта женщина, Талита

(Тамара) Омаровна, воспитавшая пятерых детей, из которых один стал лидером страны, а второй великим инженером, обладала сильными и разнообразными достоинствами. Её дети росли в любви и мире, и крепкими.

Из таких патриархальных крестьянских семей, в Рязани и в Армении, в Приморье и в Украине, вырастет огромное поколение, которому суждено будет переделать самую большую в мире страну, поставить великий эксперимент.

Анастас Микоян по рождению был крестьянином, сельскохозяйственный труд понимал, и это понимание потом ему очень помогло, а с другой стороны – повредило, поскольку ситуацию в сельском хозяйстве СССР он всегда оценивал резко негативно.

Создатели социалистической России в подавляющем большинстве были слабо знакомы с крестьянским трудом. Владимир Ленин (Ульянов) и Николай Бухарин происходили из провинциальной интеллигенции, Лев Троцкий (Бронштейн) – из семьи богатых землевладельцев, Вячеслав Молотов (Скрябин) – из мещан, Лазарь Каганович – сын торговца, Клим Ворошилов – из рабочей семьи, Иосиф Сталин (Джугашвили) – сын сапожника, Орджоникидзе – из мелкопоместных дворян. Когда возникнет «ближний круг» Сталина (его первый состав) Анастас Микоян окажется в нем единственным человеком, происходившим из крестьян.

Так или иначе, Анастас Микоян вырос в крепкой дружной семье, мать и отец горячо любили и друг друга, и своих детей.

Поклонники учения Зигмунда Фрейда не найдут в биографии Микояна ничего примечательного: ни страхов, ни детских травм; никаких чёрных ям в подсознании.

Потом Анастас создаст свою семью, столь же крепкую, как семья его родителей. Обитатели Кремля, начиная со Сталина, будут завидовать семейному счастью Микояна.

Этот момент следует особо отметить. Микоян всегда имел крепкий тыл. Семейный очаг, дом, где его любят, где его ждут, где о нём заботятся. В семье он восстанавливал силы. Любовь родных людей заряжала его внутренние аккумуляторы и вдобавок давала понимание своего места на земле. Он жил не только ради работы, но и ради семьи. Страх потерять семью – один из важнейших мотивов его деятельности.

2 Учёба

Отец и мать Анастаса Микояна не знали грамоты. О существовании начальной школы в селе Санаин в первые годы XX века сведения расходятся: сам Анастас Иванович утверждает, что в монастыре жил единственный монах (имя его неизвестно), который и обучил мальчишку читать по-армянски. Биограф Артёма Микояна Михаил Арлазоров заявляет обратное: школа была, и преподавали там монахи, и не один, а несколько; школа была двухклассной, детей – мальчиков и девочек – обучали грамоте, письму, арифметике. Есть также сведения, что некий образованный армянин приехал в село Санаин, предположительно, скрываясь от властей, и предложил крестьянам учредить школу, за небольшую плату в течение года обучал их детей, но потом уехал, и школа прекратила существование.

Наконец в Санаин прибыл некий епископ из Тифлиса. В своих мемуарах Микоян не называет его имени. Возможно, речь идёт о священнике по имени Геворг Суренянц, с 1884 года он был главой Грузинской епархии армяно-грегорианской церкви, а с 1911-го – католикосом всех армян. Суренянц инициировал создание многих армянских школ и сбережение армянской культуры, в том числе патронировал и армянскую Нерсисяновскую духовную гимназию в Тифлисе. Можно предположить, что именно этот неординарный человек дал путёвку в жизнь герою нашей истории.

Епископ (предположительно – Суренянц) поселился при монастыре и решил перестроить свой дом. Он нанял для этих работ плотника Ованеса Микояна, а тот взял себе в помощь

среднего сына, десятилетнего Анастаса. Смышлёный ловкий паренёк, самостоятельно обучившийся чтению и письму, попался на глаза епископу, и тот предложил отцу отправить сына в Тифлис, в духовную семинарию, и обещал протекцию.

Есть вечные, бесперебойно работающие механизмы воспроизводства культуры. В любом народе, в любом этносе появляются талантливые, способные дети. Однажды их подмечают, кто-то берёт над ними шефство. Так случается не всегда, но часто. Обязанность любого культурного человека – подметить другого культурного человека и помочь ему укрепиться в своей культуре.

Армянская цивилизация и армянская культура в те времена находилась под защитой Российской империи. Этому способствовала общая христианская вера. Но турки – мусульмане – продолжали вытеснять армян с их исконных земель, загонять их в горы, отнимать у них плодородные долины. Армяне, под давлением превосходящих сил, уходили дальше и дальше на север, поднимались в горы, строили там монастыри-крепости, свозили туда книги. Спасали своё знание и свою культуру.

В начале XX века древний город Ереван (Эривань) имел население едва в 30 тысяч человек, из которых армяне составляли только половину, а вторую половину – азербайджанцы-мусульмане.

В те времена базовой точкой закавказской цивилизации был Тифлис. Грузия того времени – наиболее устойчивая, благополучная и спокойная территория. Тифлис – один из исторических центров Российской империи, культурная столица Закавказья, большой, крепкий, благополучный город.

В начале XX века у Тифлиса появился конкурент, новая столица региона – нефтяной Баку.

От Тифлиса до Баку сейчас 12 часов на поезде. Тогда было вдвое дольше. В Баку добывали нефть, на работу брали всех. Там был даже оперный театр. В Баку был порт, дорога морем в Россию и в Персию. В Баку были конторы нефтяных магнатов, крупнейших банков, английские шпионы, контрабандисты.

Пройдёт 12 лет, и в 1918 году за бакинскую нефть будут драться четыре армии; Советская Россия выйдет победителем, а позже бакинская нефть станет важной статье экспорта молодой республики. В 1942 году германский вермахт предпримет громадные усилия, чтобы добраться до нефтяных приисков. Но это всё случится потом.

А пока – интеллигентный Тифлис, административная столица губернии и всего Кавказского наместничества, с населением до 200 тысяч человек, из них более трети – армяне, значительная прослойка русских. Грузины к армянам относятся спокойно, всё-таки единоверцы.

В Тифлисе работают духовные семинарии: Тифлисская (православный экзархат Грузии), для грузин, и Нерсисяновская (армяно-грегорианская), для армян. В Тифлисской, как мы помним, учился Сталин (с 1894 по 1899 год). Микоян учился в Нерсисяновской. Потом историки будут напоминать, что Сталин – «недоучившийся священник», семинарист. И Микоян такой же семинарист.

Объяснение здесь простое. На всей территории Российской империи преподавание во всех учебных заведениях велось на русском языке. Девочки к обучению не допускались, только мальчики. Если мальчик, армянин или грузин, не знал русского языка – путь в семинарию ему был закрыт.

Обучение на других языках разрешалось только в духовных учебных заведениях, готовивших священников для местных церквей.

Чтобы обойти этот запрет, армяне и грузины создали большие духовные семинарии, куда брали всех способных детей. Впоследствии они образовали крепкие национальные элиты.

Осенью 1906 года Анастас Микоян, в возрасте 10 лет и 10 месяцев, переехал в Тифлис.

Сначала отец определил его на жительство к своей родственнице; её имя история не сохранила. Сыновья женщины относились к Анастасу свысока, высмеивали: шустрых горожан забавлял деревенский новичок. Детские, мальчишеские конфликты – самые болезненные. Однажды дело дошло до драки.

Анастас, кстати, никогда не боялся ни драк, ни любых других противостояний, в том числе и с оружием. Но тогда, осенью 1906 года, у мальчишки не выдержали нервы, он насобирав по родственникам денег, купил билет на поезд и сбежал домой, в Санаин.

Отец и мать очень расстроились, но наказывать блудного сына не стали – наоборот, помогли. Отец дал сыну время успокоиться, и они вдвоём вернулись в Тифлис.

На этот раз Анастаса определили на другое место жительства: в доме у двоюродной сестры матери: Вергинии Туманян (тёти Вергуш). Домик семьи Туманян находился в армянском районе Тифлиса, в так называемом Суркарапетском овраге. С 11 лет и до 17 лет, все важнейшие годы своего отрочества, учёбы, время формирования характера и интеллектуального становления, Анастас прожил в этом доме. И здесь же встретил свою будущую жену, дочь Вергинии – свою троюродную сестру Ашхени.

Отец отвёл Анастаса в семинарию и его зачислили, и выдали форму семинариста: ботинки, чёрные брюки, чёрный китель с металлическими пуговицами, кожаный ремень с бляхой и фуражку. В 1906 году форменная одежда много значила. Крестьяне ходили в самодельной одежде и обуви. Офицеры щеголяли в отлично пошитых мундирах и сапогах. Инженеры имели свою форму, чиновники – свою. Одежда стоила дорого, ещё дороже стоила обувь. Сейчас пару брюк можно купить за гроши – в начале XX века приличные чистые брюки считались за большую ценность. Одежду и обувь берегли, изношенную – латали, чинили. Мужчины и женщины обязательно носили головные уборы. Ходить с непокрытой головой считалось неприличным. Крестьяне носили шапки и снимали их только когда садились за стол. Отец Анастаса носил «городскую» фуражку. Женщины носили шляпки и шапки, мужчины – шляпы и фуражки, зимой шапки, папахи. Анастас Микоян соблюдал эту традицию, в молодости ходил в фуражке, потом в шляпе. На большинстве официальных фотографий он всегда – в головном уборе.

Начало зимы 1906 года. Анастасу 11 лет. У него есть ботинки, первые в его жизни. Форма, ремень. Каждое утро он пешком бежит из своего карапетовского оврага на учёбу в семинарию. Вечером возвращается с охапкой книг, потом читает при свете керосиновой лампы.

Формально хозяином дома считался Лазарь (по паспорту Габриэл) Туманян, образованный человек, работавший по торговой части, приказчиком в лавке, и мечтавший скопить капитал на собственное торговое предприятие. В свободное время он почитывал армянскую газету «Мшак» («Труженик»). Домом, семьей и хозяйством на деле управляла его жена Вергиния, или тётя Вергуш, как её называл сам Анастас. Она не умела ни читать, ни писать, но была убеждённой социалисткой. Откуда это в ней взялось, мы не знаем. У Лазаря и Вергинии было четверо детей: три дочери и сын Гай (Гайк), – он потом станет разведчиком, диверсантом, «советским Джеймсом Бондом», генерал-майором. Когда они взяли в семью 11-летнего Анастаса – подросла старшая дочь, 10-летняя Ашхен Туманян, строгая и замкнутая девушка, мечтавшая стать учительницей.

Первые годы учёбы в Нерсисяновской семинарии для Анастаса были счастливейшими. Появились друзья, такие же способные, как и он сам. Появился доступ к книгам. Начался период взрывного развития интеллекта, период запойного чтения.

Термин «запойное чтение» сейчас уже нужно объяснять, современному молодому человеку он незнаком. Современный потребитель культуры с детского возраста подключён к мировой сети и привык воспринимать только аудиовизуальную продукцию. Разум читающего ребёнка был устроен иначе. От текстов элементарных, примитивных, помещённых в букварь, читающий ребёнок, по мере развития, переходил к текстам всё более и более сложным, непре-

рывно расширяя свой словарный запас, пока, наконец, не переходил к изучению полноценной взрослой литературы. Культура была логоцентрична, знание хранилось только в тексте. За разъяснением того или иного текста ученик мог обратиться к учителю, но бывало так, что учитель не мог дать разъяснения, и тогда ученик постигал ту или иную книгу самостоятельно. Авторитет учителя был огромен, перед учителем крестьяне ломали шапки. Знание считалось священным. Наконец в жизни подростка во все времена многое значило – и теперь значит – удовлетворение самолюбия, как часть становления личной психологической конструкции. И Анастас Микоян, студент единственного в мире высшего учебного заведения для армян, в те годы безусловно удовлетворил своё самолюбие; учиться в Нерсисяновской семинарии было очень престижно.

Чтение он начал с художественных романов писателей Раффи («Давид-бек») и Хачатура Абовяна («Раны Армении»), но далее переключился на то, что сейчас называется нон-фикшн, в частности, на публицистику и политэкономия. Очень быстро, в течение года, выучился читать на русском языке. В семинарии преподавали иностранные языки. Анастас с первого года учёбы взялся также и за немецкий язык.

К 12 годам Анастас был ярко выраженным билингвой, двуязычным: родным его языком был армянский, он читал и писал по-армянски, но при этом превосходно читал по-русски и неплохо разговаривал. Правда, говорить по-русски было не с кем. Потом Микоян вспоминал, что в округе единственным русским человеком был городской. «Ну не с городским же мне разговаривать», – смеялся он.

К двум языкам легко встаёт и третий. В следующие юношеские годы Анастас овладел немецким. «Капитал», «Женщина и социализм» – эти бибблии социалистов Анастас прочитал в оригинале. И не просто прочитал, но писал конспекты, делал доклады для своих товарищей, а некоторые места сам перевёл на армянский.

К началу юности, к 16 годам, он владел четырьмя языками: родным армянским, русским, грузинским (разговорным) и немецким.

Немецкий язык он потом понемногу забыл, но билингвой остался до конца жизни. Во взрослом возрасте, как можно предположить, он думал на смеси двух языков – родного армянского и русского. В Армении он прожил первые 10 лет жизни, в России – более 60 лет. С женой он разговаривал и по-русски, и по-армянски, но его дети уже знали по-армянски только отдельные слова.

Английский язык он не выучил, не ставил перед собой такой цели; да и не имел времени. Его увлечение языками – юношеское, восходит к восторгу получения знаний, а когда они были обреты и систематизированы и настало время практики – интерес к языкам пропал. Но умение читать Маркса в оригинале и толковать его максимы на трёх языках – русском, армянском, немецком – сослужило Анастасу величайшую службу.

В семинарии негласно считалось, что выпускники по большей части станут не священнослужителями, а педагогами, будут учить грамоте армянских детей. Поэтому в семинарии преподавали педагогику и широкий круг общеобразовательных предметов: алгебру, геометрию, географию, литературу, физику, химию, ботанику, зоологию, психологию, физиологию, пение. Микоян хорошо или отлично успевал по всем предметам, кроме пения (слух подводил) и Закона Божьего: религия его не интересовала.

Молодые люди того времени, как и современные, были полны энергии. В Тифлисе тех лет они, понятно, не имели ни Интернета, ни мобильных телефонов. Не существовало ни баров, ни ночных клубов. Доступ к популярной музыке был ограничен, патефоны стоили дорого. Кинематограф бурно развивался (первый кинотеатр появился в Тифлисе в 1909 году), но далеко не всем был по карману – как и театр.

И вот основным развлечением молодёжи стали так называемые кружки.

В том или ином доме, с разрешения хозяев, обычно родителей, собирался юношеский кружок, иногда десять человек, а иногда и двадцать. Не вечеринка, не алкоголь и танцы – только споры, дискуссии. Обсуждали прочитанные книги, обменивались мнениями. Была возможность – приносили с собой чай и какие-нибудь баранки или сухари. В обязательном порядке скидывались на керосин для ламп. Керосин стоил дорого, его берегли, и если молодые люди собирались сидеть дотемна – керосин приносили свой.

В любой такой кружок допускались и девушки. Это было очень важно. Женщины в то время не имели равных прав с мужчинами. Женщин не допускали к учёбе в высшей школе. В начале XX века выросло поколение девушек, получивших начальное образование и желающих учиться дальше, но система этого не позволяла. Все эти девушки поголовно были социалками, потому что социализм гарантировал женщинам равные права с мужчинами и отменял любое порабощение женщины.

Но и юношам – таким, как Анастас Микоян, – социализм давал надежду на то, чтобы реализоваться в подвиге, в большом деле, в великой битве.

Кружки были только частью грандиозной системы общественных собраний, важной для социальной жизни того времени. Пройдёт несколько лет и эта культура процветёт в Советской России. Собрания, сходки, маёвки, митинги, дискуссии, диспуты, публичные чтения, лекции, доклады и даже открытые суды – вот основа развития общества того времени.

Культура спора, публичной дискуссии, как развлечения, как полезного времяпровождения, возникла в те годы, и потом просуществовала до конца 1950-х годов, фактически более полувека. Сейчас эта культура живой дискуссии утрачена, её победил Интернет. В наше время люди не собираются в частных квартирах, чтобы попить чаю с сахаром и поспорить о книге Августа Бебеля «Женщина и социализм». А в 1912 году в Тифлисе на чтения Бебеля набивалось по 30 человек.

Сам Анастас Микоян сделался социалистом немедленно, как только обучился чтению на русском языке. Это было неизбежно, и это произошло. Социализм был модным, ярким, крутым и опасным. Социализм обещал справедливое распределение материальных и духовных благ, равный доступ для всех к образованию и здравоохранению. Социализм был вне закона – это невероятно возбуждало. В Тифлисе уже активно работали марксисты и большевики. В Тифлисе действовали подпольные типографии.

В июне 1907 года (Микояну тогда было 10 лет) в Тифлисе произошёл всемирно известный экс – ограбление казначейской кареты – где была похищена огромная сумма. Камо (под этой кличкой скрывался армянин Симон Тер-Петросян) стал живой легендой. Его поймали и посадили в тюрьму, в Метехский замок, – он оттуда бежал. Его ловили и сажали ещё несколько раз, он снова бежал.

В 1909 году Иосиф Джугашвили, подельник Камо, уже уехал из Тифлиса, был сослан в Вологодскую губернию. Анастас Микоян так и не встретился с Кобой ни в Тифлисе, ни позднее в Баку. Микоян был ещё юнцом, а Коба – взрослым профессиональным революционером. Они познакомились только в Москве, гораздо позже и при совершенно других обстоятельствах.

А пока в Тифлисе конца 1910-х годов быстро мужающий студент духовной семинарии Анастас Микоян создаёт собственный марксистский, социалистический кружок, становится неформальным лидером для группы друзей и единомышленников. Он делает обстоятельные доклады, пересказывает немецкие тексты Маркса и Каутского на родном армянском.

В его воспоминаниях приводится неполный перечень книг, внимательно им изученных: Климент Тимирязев, Чарльз Дарвин, Дмитрий Менделеев, Жан Жорес, Дмитрий Писарев (особенно повлиявший на Анастаса), Виссарион Белинский, Николай Добролюбов, Иван Тургенев, Иван Гончаров, Лев Толстой, Николай Чернышевский, Этель Войнич, Томас Мор, Анри Сен-Симон, Роберт Оуэн, Федор Достоевский, Джек Лондон, Генрик Ибсен, Фридрих Шиллер, Георгий Плеханов, Карл Каутский, Август Бебель, Карл Маркс, Владимир Ленин...

Есть такой документальный фильм, 1975 года, так называемое интервью для кинолетописи, режиссер – Александр Косачёв, студия «Центрнаучфильм» (Творческое объединение «Орбита»). В этом фильме Микоян, уже пожилой, 80-летний человек, безо всяких усилий припоминает множество имён писателей, философов, публицистов, теоретиков социализма и марксизма – их книги он изучил в ранней юности и всю жизнь следовал идеям, в них изложенным.

Анастас Микоян неизбежно сделался социалистом – и столь же неизбежно перешёл на позиции социал-демократов.

Годы отрочества закончились. Осенью 1913 года студенту Микояну исполнилось 18 лет.

Далее грянул роковой для мировой истории 1914 год.

В апреле студент Микоян, активный организатор студенческих собраний, попал наконец в поле зрения политической полиции. Его кружок расширялся, приходили новые и новые люди, однажды среди них оказался доносчик. Начальник Тифлисского жандармского управления полковник И.И. Пастрюлин изучил материалы на студента Микояна и приказал учинить обыск по месту жительства. Акт обыска сохранился и процитирован в книге «Дорогой борьбы»: «Произведённым обыском обнаружено в кармане брюк обыскиваемого Микояна два клочка письма на русском и немецком языках, шесть заметок на армянском и русском языках, в числе их одна заметка адресована Левану Айвазяну за подписью “А. Микоянц, 18 апреля: Леван, прошу следующее коллективное собрание назначить у меня”».

Обыск не имел последствий, студента Микояна никак не наказали. Но сам Микоян, надо полагать, немедленно почувствовал себя настоящим революционером. А также впервые ощутил бегущий по спине холодок: борьба, к которой он себя готовил, предполагала жертвы. И такую борьбу нельзя было вести в одиночку. Той же весной, или в начале лета, Микоян добился встречи с известным социалистом-большевиком Даниэлом Шавердяном².

Анастас очень старался произвести впечатление, и ему это удалось. Перед Шавердяном был настоящий самородок, крестьянский сын, выучившийся читать и писать в 10 лет, а к 18 годам овладевший четырьмя языками, штудирующий Маркса в подлиннике. Анастас заявил о своём желании вступить в партию социал-демократов-большевиков. Умный Шавердян немедленно отказал. Анастас был страшно расстроен. Шавердян пообещал, что вступление в партию – дело ближайшего будущего, и снабдил молодого активиста запрещённой литературой, в частности вручил брошюру под названием «Что делать. Наболевшие вопросы нашего движения» за авторством некоего Ильина.

На ближайшие годы Шавердян станет ментором Анастаса Микояна, старшим товарищем, советчиком. От него Анастас будет регулярно получать книги мыслителя, скрывшегося под псевдонимом «Ильин». От него Анастас получит первые навыки конспирации. От него Анастас узнал, что существуют провокаторы, доносчики, осведомители.

Даниэл Шавердян дважды повернул судьбу Анастаса. В начале лета 1914 года это случилось в первый раз.

3

Его первая война

Летом 1914 года – 28 июля по новому стилю или 15-го по действующему в Российской империи старому – Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Началась Первая мировая война.

---

² Даниэл Шавердян (Шахвердян) – 32-летний дворянин – к тому времени принадлежал, как Сталин и Камо, к первому поколению закавказских социалистов. Образованный человек, учившийся в Петербурге, забросивший карьеру юриста ради политической деятельности, свидетель событий Кровавого воскресенья, участник революции 1905 года, автор многих статей в пролетарских газетах, с 1902 года член Союза армянских социал-демократов; в отличие от Камо и Кобы – любителей силовых акций – он тяготел в интеллектуальной, организационной работе.

В сентябре Анастас начал новый учебный год, но теперь всё изменилось. Турция вступила в войну на стороне Германии и вторглась в пределы границ Российской империи – на территории Западного Закавказья, в Карскую область.

В Западной Армении проживало тогда до 2 миллионов армян – цифру приводит сам Микоян.

Начиная приблизительно с октября 1914 года на границе Турции и Российской империи, в Южном Закавказье, началось то, что позже назовут геноцидом армян. Планомерное уничтожение целого народа. Убийства, ограбления, насильственные выселения – сейчас и тогда это называется аккуратным словом «депортация», на деле выглядело как изгнание. Тех, кто пытался противостоять, убивали.

Армянские крестьяне были неграмотны, газет не читали. Кровавые расправы над армянами никем не были описаны. Расходились только слухи. Никто не знал, что происходит. Турецкое правительство не сделало никакого публичного обращения к армянскому народу – такой практики просто не существовало.

Мировое общественное мнение сфокусировалось на военных действиях в Европе. Продвижение турецкой армии в Закавказье никак не волновало европейского обывателя.

В сентябре того же года германская армия подошла к Парижу на расстояние в 40 километров, французское правительство бежало. В сентябре произошла решающая битва на Марне, хотя Германии удалось полностью оккупировать Бельгию, но ее войска были отброшены от Парижа. Весь мир внимательно следил за тем, как передрались между собой народы старой цивилизованной Европы: французы, англичане, немцы, бельгийцы. Счёт жертв уже шёл на десятки тысяч, включая множество мирных жителей, поскольку война велась в густонаселённых территориях. В этой ситуации мировое общественное мнение не проявило интереса к военным действиям на юге Карской области. Армения была слишком далеко от Европы.

Битва на Марне осенью 1914 года стала первой в череде тяжелейших сражений Первой мировой. Далее были другие мясорубки: одно только сражение при Вердене унесло почти 700 тысяч жизней. Поля Европы покрылись мёртвыми телами. История про уничтожение армян была забыта.

Воюющие государства изнемогли в этой войне, но развитие получили новейшие вооружения: танки, боевые отравляющие вещества, самолёты, тяжёлую артиллерию, подводные лодки. Однако технологичность той войны не следует преувеличивать. Танки и аэропланы использовались редко, их значение разгоняла военная пропаганда. Основная тяжесть войны легла на живую силу, на пехоту. На фоне этих ужасающих потерь мировое общественное мнение просто не запомнило геноцид армян.

Зимой 1914 года Тифлис наводнили русские войска: Кавказская армия под руководством генерала Юденича. Тифлис превратился в опорную базу русской армии, здесь был главный штаб, железнодорожный перевалочный пункт и весь тыл, включая интендантов и лазареты. Здесь же, вокруг Тифлиса, в полевых лагерях (палаточных городках), находились резервисты, десятки тысяч рядовых солдат, либо ожидавших отправки в действующие части, либо уже повоевавшие, отозванные в тыл для отдыха.

Начиная примерно с ноября в Тифлисе появились армянские беженцы, сообщившие о стремительном наступлении турецких войск на юге Закавказья и о массовых убийствах армян.

В этой ситуации русское военное командование разрешило создание национальных армянских боевых дружин. В Тифлисе активизировалось Армянское национальное бюро – руководящий орган Дашнакцутюна.

Армянские националисты были объединены в крепкую и сильную партию Дашнакцутюн. Это было достаточно молодое и агрессивное движение: партию создали в 1890 году. Она существует и поныне. Изначально партия опиралась на радикалов, молодых людей, готовых

защищать свой народ с оружием в руках. Дашнаки провозгласили своей целью создание независимой Армении. Царское правительство активно преследовало армянских националистов, но перед лицом военной угрозы сменило тактику: были амнистированы и выпущены из тюрем более тысячи ранее осуждённых дашнаков.

История политического движения дашнаков, армянских националистов, изложена уже достаточно подробно, и пишется до сих пор. Здесь нам важно отметить следующее. Анастас Микоян, начитавшийся Маркса, Бебеля и Каутского, в свои 18 лет был убеждённым интернационалистом, сторонником классовой теории. Его сознание отвергало национальные различия. В своих мемуарных книгах Микоян и вовсе никогда не использует формулу «национализм», всюду заменяя его на формулу «шовинизм». всю свою жизнь Микоян резко отмежёвывался от дашнаков.

Отношения со своей кровной родиной, с Арменией, сложились потом в отдельный сюжет.

Но осенью 1914 года, в первые месяцы войны, когда в Тифлисе стали множиться слухи о массовых убийствах армян 18-летний Анастас Микоян немедленно вступил в армянскую боевую дружину и отправился воевать.

Он вступил в боевой отряд не один, с ним пошли ещё несколько друзей. Потом большая часть отсеклась. Один друг написал отцу, тот срочно приехал и своей волей забрал сына из отряда. Другой просто сбежал сам. Настоящая война не понравилась 18-летним юношам, она оказалась слишком грубая и страшная.

В отряде Анастаса большинство составляли деревенские парни, неграмотные молодые люди. Они пошли воевать из неосознанного желания реализоваться, или, грубо говоря, из жажды приключений.

Эта первая война Анастаса Микояна потом отзовется эхом во многих других войнах.

Его первый поход. Его первые выстрелы. Его первый убитый враг. Опыт первой войны, изнурительной и неблагодарной, всегда останется с ним.

Ни один лидер советской державы, начиная с Ленина, не имел опыта Первой мировой. Никто не дрался на той войне – только Микоян. Ни Сталин, ни Ворошилов, ни Троцкий, не видели въяе Первой мировой, а Микоян видел.

Его описания войны – точные и любопытные, хотя и краткие.

Горная война велась вдоль ущелий и проходящих через ущелья дорог. С обеих сторон солдаты имели мотивацию. Турки дрались за «Великий Туран» – империю, контролирующую всё Закавказье, включая Каспий. Армяне воевали за спасение своего малочисленного народа. Русские – за полный контроль над регионом. Курды дрались на стороне турок, ассирийцы – на стороне русских.

В ноябре отряд Анастаса перевезли по железной дороге в город Джульфа, там новобранцев наскоро обучили обращению с винтовками и перебросили в район персидского Азербайджана, к городу Хой (ныне расположен на территории Ирана). Это высокогорье, более 1800 метров над уровнем моря.

Основной целью турецкой армии на том, первом этапе войны был захват крупного персидского города Тебриза и превращение его в опорный пункт для дальнейшего продвижения к берегу Каспийского моря. До Тебриза турецкие соединения добрались только в январе 1915-го, но уже через две недели были отброшены. всю зиму шло довольно успешное контрнаступление русских войск и армянских дружин, увенчавшееся кровопролитным сражением при Ване весной 1915 года.

Сам Микоян, согласно его воспоминаниям, принял участие минимум в двух крупных боевых столкновениях, с применением артиллерии и с большими потерями с обеих сторон. Турки отчаянно контратаковали, их полегло много. Однажды, во время редкой перестрелки, Микоян специально полез под пули, чтобы, как он сам говорит, испытать себя, понять, насколько велик его страх и можно ли его преодолеть. Он прополз и пробежал несколько сотен

метров по ничейной земле, под непрерывным винтовочным огнём, но не пострадал. Однако личная храбрость сочеталась в Микояне с физиологическим неприятием человекоубийства, пусть даже в условиях войны. Микоян описал случай, когда отряд получил приказ готовиться к ночному штыковому бою. Анастас понял, что не способен воткнуть штык в живого человека, пусть и во врага. Вдобавок он не владел навыками рукопашной схватки: какие навыки у вчерашнего юноши-студента? В предстоящем бою он решил драться не штыком, а револьвером. Револьвер попросил у товарища: тот понял и отдал. Вообще, воинский обычай не велит просить оружие у друга, тем более перед боем. Хороший солдат имеет своё оружие, свою винтовку, свой револьвер, свой нож; бережёт оружие, ибо оно хранит его жизнь. Попросить у друга займы его оружие, да ещё непосредственно перед делом, – значило переступить через гордость, нарушить воинскую этику; но Микоян на это пошёл, а его товарищ, имя которого мы не знаем, всё понял и помог. К счастью, ночная рукопашная атака так и не состоялась.

Война – это прежде всего физическое изнурение. Война в горах, зимой – троекратное изнурение. Анастаса Микояна спасало то, что он сам был горец. Каждый солдат имел шинель и компактную одноместную брезентовую палатку. Вечером, где-нибудь на ровном участке, на горном склоне, палатку надо было расставить – и в ней заночевать. Ежедневный пеший переход – от 3 до 5 километров, по безлюдной местности. Редкие сёла по пути следования – все пусты. Население бежало в горы, забрав с собой продовольствие. Еду подвозили из тыла, в основном солдаты обходились сухим пайком. Снег, обморожения, переохлаждение, мозоли, недоедание, бессилие. Грязь: стирать и мыться негде. Так продолжалось шесть месяцев, включая всю зиму 1914/15 года.

Организм солдата Микояна не принимал мяса. Стоило съесть кусок курицы – тошнота, рвота, сыпь на теле. Анастас Микоян обходился только кашей и хлебом, свой паёк – мясные консервы – обменивал на сыр и хлеб.

Так отряд, ведомый дашнаком Андраником, в течение зимы пробился с боями – и, надо полагать, с тяжёлыми потерями – далеко на запад, к городу Ван, древней столице Армении. Этот город находится на территории Турции. Ванское сражение весны 1915 года историками хорошо изучено. Потери с обеих сторон составили до 2 тысяч только убитыми; из них более тысячи – турецкие солдаты. Микоян, однако, не участвовал в Ванском сражении. В конце марта, когда отряд подходил к городу, 19-летний солдат армянской дружины Микоян выбыл из строя – свалился с тяжёлой малярией. Малярия – это высокая температура, лихорадка, рвота, поражение нервной системы. В острой форме – смерть. В начале апреля 1914 года Анастаса отправили в тыл. На этом первая война для него закончилась. Потом будут ещё две большие войны и четыре международных военных конфликта.

Солдат Микоян две недели ехал в тыл: шатающийся от озноба инфекционный больной, сначала на конных повозках, потом по железной дороге в Эривань, а оттуда в Тифлис, в военный госпиталь.

Впоследствии, в советский период, Первую мировую объявят империалистической. Любой национализм будет запрещён. Дашнаки станут врагами советской власти. Участие в империалистической войне, в отряде националистов, скорее не украшало анкету большевика Анастаса Микояна. Даже в своих воспоминаниях, написанных в позднейшее время, в 1970-е годы и позже, он описывает свой поход коротко, на двух страницах.

В СССР существовал свой четкий канон отношения к Первой мировой войне: это была несправедливая мясорубка, капиталисты ввергли свои народы в бойню, ради денег, ради ресурсов и рынков сбыта. В СССР Первая мировая замалчивалась. Никакой общественной дискуссии не было. В литературе и кино она была представлена как унылая и несправедливая. Поэтому и Микоян описал свою Первую мировую очень скупно.

Но сейчас, пытаясь реконструировать тот май 1915 года, можно предположить, что эта первая война войдёт в подкорку Анастаса Микояна. С тех пор и до конца жизни он будет знать

всё про войну: какова она на самом деле, как её выносит солдат на своём горбу. За шесть месяцев, включая зиму 1914/15 года, Микоян прошагал пешком от персидского города Хой до армянского города Ван, в составе отряда, который, в свою очередь, входил в русскую Кавказскую армию. Русские дрались рядом с армянами. Был совершён тяжёлый зимний переход через горы длиной около 300 километров. Турецкая армия дважды пыталась перейти в контрнаступление, и тогда Кавказская армия оборонялась.

В условиях горной местности войска не могут маневрировать, совершать обходы с флангов. В горах флангов нет: сражения ведутся за дороги, проходящие через долины и ущелья. Единственный способ пробить себе путь – лобовая атака на неприятеля. Огромное значение приобретала в таких условиях огневая мощь, горная артиллерия, лёгкие орудия, перевозимые на конной тяге, а главное, получившие широкое распространение миномёты – ещё более лёгкие и исключительно эффективные в бою.

Бронемашин и вообще автомобили также не использовались. Три десятка автомобилей ездили по Тифлису. А по горным тропам сновали вьючные лошади.

Разведка – важнейшее оружие русской армии во все времена – полностью зависела от донесений местных союзников. Разведка вся была армянская.

Тыловые службы, в условиях растянутых коммуникаций, работали плохо. Боеприпасы и провиант доставлялись на конной тяге, повозками и вьюками. Сёла на пути следования отряда все были беднейшие, на 10–15 дворов, – и все пусты. Бойцы, первыми добравшиеся до села, немедленно разбредались по домам – разжигали печки и грелись. Потом подходили другие отряды, русские и армяне, и командиры выгоняли солдат из тёплых домов, наводили порядок: здесь штаб, здесь лазарет, здесь арсенал, здесь кухня. В каждом селе задерживались на два-три дня. Раненых было мало, но много больных, истощённых, со сбитыми ногами. Кое-как отогревались, собирались с силами и шли дальше. В таких условиях сражались обе армии: и наступающая русская, и отступающая турецкая.

В той войне штаб Кавказской армии и её командующий генерал Николай Юденич – блестящий военный специалист – применили тактику быстрого передвижения крупных конных соединений. Скорость маневра обеспечила победу в войне. Большие – в несколько сотен сабель – конные отряды, вооружённые винтовками, пулемётами и миномётами, совершали стремительные прорывы по горным дорогам, занимали сёла, мосты и переходы через реки. Если наталкивались на сильные контратаки так же быстро уходили. Русские кавалеристы хорошо владели навыками горной войны – иначе бы не добыли победу.

К 1916 году Кавказская армия отбила для России большие территории, включая Трапезунд (Трабзон) – Россия впервые в истории выходила на южное побережье Чёрного моря. Под контроль Кавказской армии также перешла вся Западная Армения.

Захватив значительные территории Османской империи, генерал Юденич приказал установить военный, оккупационный режим, и стал ждать воли свыше. Что делать с новыми, присоединёнными землями? Население их – в основном армяне, и многие сражаются вместе с русскими. Армяне давно включены в русскую цивилизацию, а турки – наоборот, исторически – оппоненты, враги.

В мае 1915 года мы находим Анастаса Микояна в Тифлисе, в военном госпитале, в инфекционном, малярийном отделении, в плохом состоянии, с признаками дистрофии. Однако молодой парень быстро идёт на поправку.

Пока лежал в госпитале разошлась страшная весть о чудовищной резне, учинённой турками над армянским населением Западной Армении. Сам Микоян называет цифру в 1,5 миллиона убитыми.

После выписки из госпиталя Анастас уехал домой, в Санаин, и там в родительском доме восстанавливал здоровье. Он вернулся в Тифлис в августе. Состоялись несколько встреч с Даниэлом Шавердяном. Тот снабдил парня свежей литературой. Псевдоним Ильин уже был

давно раскрыт, под ним работал Владимир Ульянов (Ленин), и Анастас проглотил статьи «Война и российская социал-демократия», «Шаг вперед, два шага назад» и работу «О праве наций на самоопределение», а также брошюры Степана Шаумяна и Иосифа Сталина по национальному вопросу, и ещё – книгу Георгия Плеханова «Наши разногласия». По рекомендации Шавердяна Анастас отправился в городскую библиотеку Тифлиса и свёл знакомство с девушкой по имени Джаваира Тер-Петросян, родной сестрой легендарного Камо. С этого момента запрещённую литературу Микоян будет получать по двум каналам: и от Шавердяна, и из библиотеки.

Позиция большевиков, обозначенная Лениным, была ясной: империалистическая война зашла в тупик; миллионы солдат гибнут ради интересов буржуазии; войну следует прекратить, а штыки развернуть против настоящих врагов – мирового капитала и сросшегося с ним аристократического истеблишмента. Осенью 1915 года, Микоян уже изменил своё отношение к войне. Ленин выступал за превращение ее в войну гражданскую. Армянин и турок должны были драться не между собой, а против общего врага – крупной буржуазии, которая наживалась, стравливая меж собой народы. Большевики предлагали объединение людей не по национальному, а по классовому принципу. Национальные противоречия должны были отойти на второй план.

В последующие десятилетия в Советской России любой национализм, включая армянский, будет жестоко преследоваться. Русский национализм придёт в решительный упадок. Все русские националисты эмигрируют, вместе с Белой гвардией и аристократией, и далее зачехнут в берлинских и парижских кафе. В ленинской, и позже в сталинской России националистов просто уничтожали. Сама партия изначально была интернациональной, её руководство составляли русские, украинцы, евреи, грузины, в том числе армянин Микоян.

Наконец в ноябре 1915 года Анастас Микоян вступил в партию большевиков. Формально для него ничего не изменилось: его партийным заданием стала агитация среди учащейся молодёжи; он её вёл уже несколько лет.

Весь год он учился, не поднимая головы, усиленно навёрстывая пропущенное за прошлую зиму. За год он прошёл программу 6-го (пропущенного) и 7-го классов, в июне 1916 года сдал выпускные экзамены и закончил учёбу в семинарии. Ему исполнилось 20 лет. Теперь ситуация для него кардинально изменилась. Война продолжалась. Анастас был военнообязанным и подлежал призыву. Призвали его старшего брата Ерванда – тот ушёл на фронт. Но Анастас уже не собирался воевать за интересы буржуев. Существовал способ уклониться от призыва: продолжить образование в духовной академии, в Эчмиадзине, тем более что выпускников Нерсисяновской семинарии принимали туда без экзаменов. Обучение – бесплатное, проживание – в интернате. И не только Анастас – все его товарищи по марксистскому кружку приняли то же самое решение.

Ленин, повторим, сформулировал позицию большевиков относительно войны исчерпывающе: «Для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии... <...> Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны. Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...» Член партии Анастас Микояни эти инструкции лидера большевиков знал наизусть; об участии в войне не могло быть и речи.

Восемнадцатого сентября 1916 года Микоян был зачислен на 1-й курс духовной академии и получил официальную отсрочку от призыва, после чего переехал в интернат при Эчмиадзине. Его учёба в академии длилась недолго, с сентября 1916-го по февраль 1917 года. Анастас и его

товарищи не занимались ничем, кроме изучения языков и марксистской литературы. Микоян продолжал осваивать немецкий.

В декабре 1916-го он написал и опубликовал свою первую в жизни статью, в армянской газете «Пайкар» («Борьба»).

Следует кратко упомянуть, что в тот период в Закавказье в Эривани, Эчмиадзине, Тифлисе, Баку выходили не менее 50 периодических изданий на армянском языке – газет и журналов самых разных направлений, включая детские и сатирико-юмористические. Тиражи были скромные: от нескольких сотен до нескольких тысяч экземпляров. Наиболее популярная газета «Мшак» в 1916 году имела тираж в 6 тысяч копий. Большинство издателей успевали выпустить десяток-другой номеров, после чего прогорали и закрывали дело. Но самые популярные, вроде журнала «Хатабалла» («Переполюх»), держались долго.

В феврале 1917-го грянула революция. 2 марта царь отрёкся от престола. Власть перешла к Временному правительству России. В том же марте Анастас отправился к ректору академии и попросил дать ему отпуск; пообещал, что экзамены сдаст позже. Важно было сохранить официальную отсрочку от призыва. Ректор уступил. Оставаясь официально слушателем академии Микоян отправился в Тифлис, ещё не зная, что к учёбе он больше не вернётся. Его ждала совсем другая жизнь.

В Тифлисе он немедленно разыскал Шавердяна и очертя голову бросился в политический водоворот. В том же марте закавказские большевики впервые собрались легально: 250 человек. Место собрания – Народный дом Зубалова, построенный на деньги нефтепромышленника, благотворителя и мецената Льва Зубалова (Зубалашвили), уроженца Тифлиса. Пройдёт два десятилетия и Анастас Микоян, перебравшись в Москву и став народным комиссаром, поселится в ближнем Подмосковье в бывшем поместье всё того же Зубалова.

Анастас познакомился с Алёшей Джапаридзе, опытным, прошедшим тюрьму и ссылку 37-летним большевиком. Потом Микоян будет работать в Баку под началом Джапаридзе и останется с ним до последних дней его жизни – тот будет расстрелян в числе других бакинских комиссаров. Пока же Алёша Джапаридзе – один из лидеров большевистского Закавказья.

Дни полетели в лихорадочной суете. Большевики не признали власть Временного правительства и призвали создавать Советы рабочих и солдатских депутатов. В конце марта в Тифлисе состоялось ещё одно собрание: обсуждали, как усилить работу в Баку. Оттуда приехал письмо Степан Шаумян: просил прислать в помощь надёжных людей.

Микоян вызвался добровольцем.

Даниэл Шавердян второй раз сыграл важную роль в судьбе Микояна, не только одобрил его поездку, но и снабдил рекомендательным письмом к Шаумяну. Вот его текст: «Дорогой Степан! Представитель сей записки Анастас Микоян является новокрещённым эсдеком в достаточной степени подготовленным. Направляю его тебе для борьбы против дашнаков. Он очень способный парень. Прошу уделить особое внимание. О здешнем положении он расскажет тебе».

Анастас уехал в Баку.

С марта 1917 года он – профессиональный революционер.

4

Баку, 1917 год

Баку стремительно развивался. Чтобы стать нефтедобытчиком, достаточно было купить участок земли на Апшеронском полуострове. Правда, к середине 1910-х годов все участки были давно захвачены нефтяными магнатами: Нобелями, братьями Маиловыми, Зубаловым, Гукасовым, Манташевым и др. Нефть залегала на глубине около 20 метров – то есть практически под ногами. Сначала добычу вели примитивным способом: владелец участка нани-

мал чернорабочих-персов, они копали огромные ямы и вытаскивали нефть вёдрами, далее переливали в бочки. Персы в Баку были наиболее униженной, низкооплачиваемой рабочей силой. Им платили в два раза меньше, чем всем остальным. Потом появились вышки и нефтепроводы, и нефтеналивные резервуары, но их обслуживание требовало ручных, физических усилий. Постепенно весь Апшеронский полуостров был застроен вышками и бараками, заполненными рабочими-нефтяниками: персами, армянами и азербайджанцами. Их прозвали «мазутной армией». Они жили в тяжёлых условиях, ночевали в утлых дощатых сараях на двух- и трёхъярусных нарах. Продолжительность рабочего дня никто не считал. Солдаты «мазутной армии» не умели считать, читать и писать. Но это был тот самый промышленный, индустриальный пролетариат, который большевики определили как главную движущую силу революции: десятки тысяч совершенно бесправных, беднейших мужчин, покрытых чёрной нефтяной коркой. Азербайджанцев значительно меньше, армян и персов – больше. В Баку, как и в Тифлисе, армяне составляли примерно треть всего населения.

Захват нефтеносных полей Баку был объявлен одной из главных задач турецкой армии в 1914 году, но наступление быстро захлебнулось. Турки дошли до Баку только в 1918-м, и единожды даже маршировали по его улицам, но потом их отодвинули от бакинской нефти на много десятилетий.

Азербайджанцы – изначально трудолюбивый и терпеливый сельскохозяйственный народ, расселившийся по тёплым и благодатным долинам Восточного Закавказья. Этот народ сформировался в политическую нацию, претендующую на самоопределение, не так давно, приблизительно в середине XIX века. У азербайджанцев не было ни своего древнего государства, ни сонма национальных героев. Их крупнейший древний город, Гянджа (Елисаветполь), в начале XX века имел население в 30 тысяч, из которых почти половину составляли армяне. В литературе тех лет употребляли выражение «азербайджанские турки», а в обиходе их называли «татары».

Город Баку построили не азербайджанцы, а международный нефтяной капитал. Наконец в Баку была база Каспийской военной флотилии. Флотилия входила в состав вооружённых сил империи и призвана была контролировать всю акваторию Каспийского моря. С началом войны Баку приобрёл в два раза больше веса: как важнейший транспортный перевалочный пункт, и одновременно место скопления беженцев. От Баку до Владикавказа была протянута железная дорога, с американскими паровозами – их котлы работали не на угле, а на сырой нефти.

Беднейшие армяне, спасавшиеся от резни, доехавшие до Баку и приютившиеся в углах у дальних родственников, шли наниматься на нефтепромыслы за считанные рубли, и пополняли ряды «мазутной армии», превращались в чёрных зомби.

Конечно, рабочие изначально жили порознь, персы в своих бараках, армяне в своих, азербайджанцы – в своих.

После Февральской революции в России объявили полную свободу всех политических партий, свободу любых собраний. Марксисты, меньшевики, большевики, эсеры могли вести свою агитацию на любом перекрёстке, в любом помещении: в заводском цеху, казарме или ресторане. Эсеры имели громадное влияние и были для социал-демократов сильными соперниками. В 1917 году эсеры считались самой крутой, радикальной или даже романтической партией, за ней тянулся шлейф террористических актов, взрывов, сенсационных убийств. Идеологически эсеры примыкали к анархистам: и те и другие провозглашали полную вседозволенность.

В Баку 1917 года вышло так, что все матросы Каспийской флотилии разделяли идеи эсеров и анархистов. Спустя время это обстоятельство сыграет ключевую роль в судьбе Бакинской коммуны.

Каспийская военная флотилия состояла всего из двух боевых кораблей, но зато довольно мощных и быстроходных канонерских лодок «Карс» и «Ардаган», каждая была вооружена 6

орудиями и пулемётами, на каждой – по 120 человек экипажа. Обеспечивать ударную мощь должны были вспомогательные суда, многочисленные пароходы, баркасы и катера. Всего флотилия насчитывала примерно два десятка судов; на них несли службу около тысячи рядовых матросов.

Матросы избрали Центральный комитет Каспийской флотилии, провозгласили диктатуру, сместили командование, включая капитанов судов. Многие офицеры были изгнаны. Их оружие перешло в пользование рядового состава. Арсенал флотилии также оказался под контролем Центрального комитета. На всех кораблях выставили охрану. По городу расхаживали сотни решительно настроенных матросов, из которых у каждого третьего был при себе револьвер.

Молодые люди, армяне и азербайджанцы, члены националистических партий, также создавали боевые группы и вооружались. Будущее не обещало ничего хорошего.

После революции и отречения царя вся государственная деятельность была парализована. Заработная плата не выплачивалась. Конец монархии всех оглушил. Колоссальная административно-бюрократическая машина потеряла управление и покатилась в никуда. На протяжении многих сотен лет последнее слово всегда было за государем-императором. Его воля считалась безусловной. Теперь государя не стало: чью волю считать священной? Князя Георгия Львова? Александра Керенского?

В Баку работала военная комендатура Кавказской армии, здесь были тыловые службы. В Баку постоянно находились несколько сотен русских офицеров – все они, однажды присягнувшие царю, теперь не знали, кому служить.

Солдаты Бакинского гарнизона все были распропагандированы большевиками и хотели одного: штыки в землю и разъехаться по домам.

В Баку жили и работали несколько тысяч первоклассных русских инженеров, включая гениального Владимира Шухова. Не все знают, что он – изобретатель стальных сетчатых конструкций и создатель Шуховской башни – внёс колоссальный вклад в развитие нефтяной индустрии, спроектировал бакинские нефтепроводы и нефтеналивные резервуары. Когда вы смотрите фильм «Белое солнце пустыни», где герои прячутся в огромном цилиндрическом нефтеналивном резервуаре, вам следует знать, что такие резервуары придумал и спроектировал именно Шухов.

Все эти инженеры очень хорошо зарабатывали, арендовали квартиры, выписывали из России семьи, жён и детей. В Баку приехали работать многие тысячи квалифицированных банковских работников, счетоводов, бухгалтеров. В Баку работали железнодорожные мастерские, торговые дома, транспортные и страховые компании. Тысячи извозчиков перевозили пассажиров на колясках, и ещё большее количество транспортных извозчиков возили грузы на тяжёлых арбах и телегах. Все эти люди оказались заложниками политической ситуации.

Баку пропахший керосином и морской солью, копчёный, мазутный, дымный, свистящий ветрами, теперь замер: будущее обещало большие, принципиальные перемены.

Тем временем нефтепромыслы работали бесперебойно и непрерывно расширялись. Тысячи цистерн с нефтью и керосином уезжали по железной дороге в Дербент. Нефть была нужна мировой экономике при любых раскладах.

5

Степан Шаумян. «Старшие» и «младшие»

Приехав в Баку, Анастас Микоян первым делом отправился на Меркурьевскую улицу, в штаб Бакинского комитета РСДРП, разыскал там Степана Шаумяна и доложил о прибытии.

Шаумян произвёл на новичка колоссальное впечатление. Микоян потом даже стричься будет «под Шаумяна», отрастит такую же аккуратную бородку. Он познакомится с женой Шау-

мяна, с сыновьями Леоном и Суреном. Дружба семей Микояна и Шаумяна сохраняется и по сей день – более ста лет.

Детали интереснейшей судьбы большевика Степана Шаумяна изложены в обстоятельной биографии историка Ильи Дубинского-Мухадзе, вышедшей в 1965 году в серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия». Не собираясь повторять уже известного, отметим, что Шаумян, член РСДРП с 1900 года, был интеллигентнейшим человеком, выпускником философского факультета Берлинского университета. Шаумян пользовался безоговорочным доверием Ленина, от которого позже получит мандат чрезвычайного комиссара по делам Кавказа. С 1912 года Шаумян кандидат в члены ЦК РСДРП.

Получая распоряжения и инструкции от Шаумяна, молодой большевик Анастас Микоян считал, что выполняет волю Ленина. Собственно, так оно и было.

Анализируя отношения Анастаса Микояна с Шавердяном, Шаумяном, далее со Сталиным и Орджоникидзе, нельзя забывать про особенности кавказского, горского воспитания, а именно – о почитании старших по возрасту. И Шавердян, и Шаумян, и Алёша (Прокофий) Джапаридзе, и Камо (Тер-Петросян), и Джугашвили (Сталин), и Орджоникидзе относились к первому изводу кавказских революционеров, все они были на 10–15 лет старше Микояна, несли за плечами разнообразный опыт политической борьбы, они сидели в тюрьмах и отбыли ссылки. Микоян, 21-летний, относился к ним как к старшим братьям, никогда не оспаривал их авторитет, – но при этом в критических ситуациях всегда рассчитывал на их поддержку. «Старшие братья» искали, поднимали, обучали «младших», но настоящие большие дела проворачивали сами. «Младших» не допускали в круг «старших»: на Кавказе 35-летний никогда не будет учитывать мнение 20-летнего. Анастас Микоян, с первых дней пребывания в Баку буквально влюбившийся, со всем армянским жаром сердца, в Степана Шаумяна, в его интеллект и мудрость, тем не менее не допускался к принятию главных политических решений. Бакинским советом рабочих депутатов управляли «старшие»: Шаумян, Джапаридзе и др.

«Старшие», согласно тем же общепринятым правилам, не только не создавали для «младших» особых, мягких условий, но, наоборот, бросали их в круговорот проблем, ставили на самые тяжёлые участки работы: слабые отсеивались, сильные выдерживали и далее рассчитывали на восхождение по иерархической лестнице. В полном соответствии с этой жестокой концепцией нашего героя – молодого активиста, приехавшего из Тифлиса, – не стали жалеть. Ему выдали из партийной кассы некоторую сумму, на покупку еды. Жить было негде. Рядовые бакинские большевики мыкались по углам, снимали вскладчину комнаты и там ночевали вповалку. Все были при деле с утра до ночи, питались хлебом с чаем. К счастью, фрукты в Баку стоили копейки и все были первоклассные, ибо азербайджанцы – величайшие специалисты по их выращиванию. В Баку 1917 года нельзя было умереть от голода.

Активист Микоян поселился в помещении Баксовета. Приходил поздно вечером, раскладывал на столе газеты, пачку тех же газет подкладывал под голову и спал, не раздеваясь. Рано утром прибирался и уходил работать.

Грохочущий, продутый ветрами Баку никак не походил на уютный спокойный Тифлис. Ясно было одно: главные политические события ближайших лет будут происходить именно здесь.

Политическая жизнь бурлила, но практически вся была поделена по национальному признаку. Армяне объединялись вокруг партии Дашнакцутюн, персы (иранцы) – вокруг партии «Адалет» («Справедливость»), азербайджанцы вокруг партий «Гуммет» («Энергия») и «Мусават» («Равенство»). И только РСДРП предлагала альтернативу, партию для всех, без учёта национальных и религиозных принадлежностей.

Каждая партия привлекала новых и новых рядовых членов, они голосованием выдвигали своих представителей в Бакинский совет.

Ежедневно до обеда Микоян работал в редакции газеты, во второй половине дня садился на поезд и отправлялся в Балаханы на нефтепромыслы и там проводил митинги и собрания в армянских бараках: по два, по три в день. С собой обязательно приносил пачку газет («Бакинский рабочий» – на русском, «Социал-демократ» – на армянском), но толку от газет было немного: никто не умел читать.

Зато послушать образованного агитатора собирались охотно. Агитатор в обязательном порядке рассказывал последние новости, а затем переходил к «разъяснению текущего момента». Не доверять агитатору было нельзя: очень образованный человек, окончил духовную семинарию, учился в Эчмиадзине, вдобавок воевал, проливал кровь, то есть – не просто болтун, а настоящий последовательный боец. Наконец, главное: агитатор – такой же бедняк, как и слушатели, худой, дочерна загорелый, измученный жарой, одежда заношена и выгорела на солнце.

Агитация в политической деятельности значила многое, если не всё. Нельзя было стать революционером, не имея навыков публичного выступления и публичной дискуссии. Сейчас слово «сагитировать» практически вышло из оборота, а что такое распропагандировать – молодые люди и вовсе не знают. А в 1917 году один умелый оратор мог за час распропагандировать тысячную толпу. Анастас Микоян быстро овладел набором полемических навыков: потом он за жизнь произнесёт, наверное, несколько тысяч всевозможных речей. Говорил он хорошо, образно, точно, кратко, остроумно.

Неизвестно, сколько рабочих ему удалось привлечь на сторону социал-демократов, но буквально спустя несколько месяцев, в сентябре 1917 года, на нефтепромыслах грянула масштабная забастовка (организаторы – большевики, впоследствии бакинские комиссары Прокопий Джапаридзе и Григорий Корганов), в её успехе был немалый вклад рядового агитатора Микояна. Однако его самого в сентябре в Баку уже не было. Бродячая полуголодная жизнь, мягко говоря, не укрепила его здоровье. К концу июля его уже шатало от истощения. По прямому указанию Степана Шаумяна Анастас прервал работу и уехал в отпуск, домой, поправляться.

Дома, в Санаине, он пробыл весь август 1917 года. Пришлось признаться родителям: учёбу забросил, нигде не работает, профессионально занимается революционной деятельностью. Отец и мать критически смотрели на изголодавшегося революционера. Отец, которому уже минуло 60 лет, никогда в социализм не верил и даже попытался отчитать сына. Но ссоры не вышло. Повторимся, в семье все друг друга любили.

Отъевшись и окрепнув, в конце лета Анастас уехал в Тифлис, намереваясь, во-первых, повидать свою возлюбленную – Ашхен Туманян, во-вторых, встретиться с Шавердяном. Очевидно, далее Анастас хотел снова выехать в Баку, но остался в Тифлисе, скорее всего, по распоряжению руководства. В сентябре он стал секретарём Тифлисского комитета РСДРП, в октябре участвовал в Общекавказском съезде партии. Агитацию теперь вёл в солдатских массах Тифлисского гарнизона.

В Тифлисе Анастас встретил октябрь 1917 года.

Формально Закавказьем тогда управлял Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), подчинявшийся Временному правительству. 15 ноября 1917 года ОЗАКОМ был низложен. Представители националистических партий и правые эсеры создали новый орган власти – Закавказский комиссариат. Эсеры, следует повторить, имели на той территории очень большое влияние, на их стороне были офицеры полумиллионной Кавказской армии: десятки тысяч профессиональных военных специалистов, немалая сила. Неожиданно на сторону Комиссариата перешли и тифлиские социал-демократы – меньшевики.

Девятнадцатого ноября главнокомандующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии Михаил Пржевальский официально признал Закавказский комиссариат законным органом

власти. На следующий день, 20 ноября, вооружённые группы меньшевиков захватили Тифлисский арсенал.

Тем временем в Баку, наоборот, верх одержали большевики, 2 ноября установившие власть Совета рабочих и солдатских депутатов. 22 ноября из Баку в Тифлис срочно прибыл Шаумян. Он несколько раз выступил на собраниях Закавказского комиссариата, но без успеха. Шаумяна, разумеется, арестовали бы в Тифлисе, но его охраняли вооружённые люди, в том числе сам Камо – а с ним шутки были плохи.

Националисты, эсеры и меньшевики теперь действовали единым фронтом, их поддерживали армейские соединения, лояльные командованию. На большевиков объявили охоту, задерживали и помещали под арест в Метехский замок (Тифлисскую тюрьму). Редакции большевистских газет разгромили. Шаумян попытался отправить телеграмму в Петроград, Ленину, но её перехватили. Тогда Шаумян попросил своего старого друга Камо лично поехать к Ленину и попросить помощи. Далее Шаумян призвал тифлисских большевиков перебираться в Баку. Тифлис был проигран.

В ноябре Анастас сидел в доме у Туманянов и, видимо, не предпринимал никаких активных действий: каждый день ожидал ареста. Он сумел встретиться с Шаумяном, и тот повторил рекомендацию, общую для всех: революционную борьбу в Тифлисе временно прекратить, уходить в Баку.

В биографической книге «Степан Шаумян» Дубинского-Мухадзе есть редкая фотография Анастаса Микояна тех лет: молодой мужчина с усами и богатыми армянскими бровями, взгляд весьма печальный. Он оказался в тяжёлой ситуации. Ему вот-вот исполнится 22. Тифлиссский дом Туманянов давно стал для него родным. Отношения с Ашхен перешли стадию дружеских: они полюбили друг друга. Анастас мог остаться в доме Туманянов, пересидеть тяжёлые времена. Его бы прятали. Что ожидало его в Баку? Опять голод и ночёвки на столах, с пачкой газет под головой?

Но он выбрал Баку. Он хотел драться. В последних числах ноября он попрощался с Ашхен – как выяснилось, надолго – сел на поезд и уехал.

Он выбрался из Тифлиса чудом: уже в декабре начались перебои в железнодорожном сообщении, а в январе поезда вообще перестали ходить.

Глава 3 Бакинская коммуна

1 Оружие

В декабре 1917-го Анастас Микоян – снова в Баку. У него ничего нет, никакого имущества, кроме одежды, смены белья и револьвера «Кольт».

Одевается он в военную форму без знаков отличия, гимнастёрку и штаны, и фуражку. Обувь – сапоги или ботинки.

В те годы, когда грохотала огромная война, мужчины повсеместно носили военную форму, не только на Кавказе, повсюду в стране появились десятки тысяч демобилизованных. К 1917 г. многие военные склады были разграблены, имущество растащено или распродано. Гражданские теперь тоже носили шинели, галифе и гимнастёрки, – это была самая дешёвая доступная одежда, и вдобавок прочная. Военная форма без знаков отличия потом станет фирменным брендом любой диктатуры – начиная со Сталина, основавшего эту моду, видимо, навсегда. В сознании современного человека диктатор – это мужчина в военном френче, застёгнутом под горло.

Истоки этой моды, привычки одеваться в военную форму, лежат как раз в 1917 году, когда армия перестала воевать и начала деградировать. Военная форма считалась одеждой бедняков.

Началась зима, впереди – новый 1918 год.

Анастас – молодой парень, ему всего 22, но он уже много повидал. Окончил семинарию, воевал, учился в духовной академии, вёл революционную работу. Прочитал многие сотни книг на разных языках. Лично знает многих лидеров революционного движения на Кавказе. У него нет дома, нет собственности. Деньги на пропитание он получает из кассы партии. Он всегда голодный. Он не один – вокруг него сотни таких же, как он сам. Его разум воспалён: революция совершилась, мечты сбываются. Что будет дальше – знает только Ленин и руководство партии.

Партия между тем переживает серьёзный раскол: ушли меньшевики, соглашатели; остались радикалы, самые решительные.

Анастас снова ночует где придётся, в основном у товарищей по партии. Теперь ему поставлена другая задача. Власть большевиков, власть Советов нужно защищать. Царской армии более не существует: солдаты массово расходятся по домам. Но государство всегда опирается на штыки. Началось создание новой, Красной армии. Сам Микоян пишет, что основные усилия по созданию боеспособных подразделений большевистской Красной армии в Баку пришлось на февраль–март 1918 года. Приводит и точные данные: в строй поставили около 13 тысяч красноармейцев, объединённых в четыре бригады. Железные дороги контролировали три красных бронепоезда. Красная армия состояла из интернациональных частей, а армянские и азербайджанские националисты формировали собственные боевые подразделения.

На руинах Российской империи разгоралась братоубийственная Гражданская война.

Теперь Анастас Микоян уже не агитатор, не пропагандист, теперь он – боевая единица, у него есть револьвер, и он всегда готов стрелять. У него был шестизарядный американский «Кольт», 45-го калибра.

Восьмого марта он отправил письмо Ашхен, в Тифлис, текст заканчивается фразой: «Очень благодарен, что ты взяла мои туфли у сапожника, я-то думал, что они уже пропали». Это к вопросу о том, насколько велика была в то время ценность одежды и обуви для бедняков.

* * *

Начало весны 1918 года в Баку омрачилось кровавым националистическим мятежом.

Сам Микоян точно указывает дату начала: вечер 19 марта 1918 года, в субботу. Его описание событий достаточно обширное. Он неоднократно настаивает, что бои носили классовый характер. Но современные историки склонны считать, что имел место межнациональный конфликт азербайджанцев и армян, в котором армяне взяли верх.

По всей видимости, истина лежит посередине: 19 марта в Баку произошёл политический мятеж, перешедший в стадию межнациональной резни; мятеж провалился, и большевики на несколько месяцев утвердились во власти.

Работавший в Баку британский вице-консул Рональд Макдонелл в 1938 году в лондонском издательстве *Constable & Co Ltd* выпустил книгу мемуаров «...And Nothing Long» («... И ничего не довёл до конца»). Биограф Шаумяна Дубинский-Мухадзе приводит обширные отрывки из этой книги, вот один из них: «То, что мы ждали, наконец, пришло. Взорвался бакинский котёл. Резня была невероятная. В течение трёх дней не было известно, кто возьмёт верх. В конечном счёте татар и “дикую дивизию” разбили. Теперь мы были при ортодоксальном большевистском правительстве со Степаном Шаумяном во главе. Дашнаки и Армянский национальный комитет оказались безвольными против популярности большевизма. Без славы вернулась на свою позицию и Каспийская флотилия».

А вот фрагменты описания самого Микояна (опять из письма Ашхен Туманян): «В одной руке держали шашку, в другой винтовку, кричали “вперед!”. Руководил бойцами я. <...> Мы просто целились в головы и стреляли, как и наши противники. В результате, до подхода подкрепления нам из нас 4-х двое были убиты выстрелами в лоб. Я был легко ранен в ногу, и еще какая-то шальная пуля попала мне в бок».

Сообщать такое своей возлюбленной – это, конечно, надо иметь характер. Но между Анастасом и Ашхен изначально установились отношения максимально доверительные и открытые. На многие десятилетия, вплоть до ухода Ашхен Лазаревны из жизни в 1962 году, её супруг будет рассказывать ей всё, ничего не скрывая, не отмалчиваясь.

В теории театральной и кинематографической драматургии есть классическое понятие «конфидент»: ближайший друг главного героя; человек, которому главный герой поверяет все свои сомнения, потаённые мысли. Ашхен стала для Анастаса таким конфидентом.

Итак, мятеж удалось подавить, резню остановить. В том числе потому, что в разгар боёв националистические партии армян и азербайджанцев объявили о своём нейтралитете. Ничего более благоразумного придумать было нельзя. Политические организации создаются не для того, чтобы враждовать, а для того, чтобы договариваться.

Когда дым рассеялся, стало очевидно, что бакинские большевики сильно укрепили свои позиции, и в апреле 1918 года они образовали Бакинский совет народных комиссаров, в котором составили большинство. Председателем выбрали Шаумяна.

Далее Бакинский совнарком приступил к решительным действиям: передаче земли крестьянам, национализации банков и нефтедобывающей промышленности. Был создан Бакинский совет народного хозяйства, под председательством большевика, комиссара Ивана Фиолетова, ранее возглавлявшего Союз нефтепромышленных рабочих. Добыча нефти не прекращалась ни на один день, но теперь вся она направлялась в Советскую Россию, главным образом морем в Астрахань. Там власть Советов была установлена в январе 1918 года после кровопролитных боёв. Морской транспортный маршрут Баку – Астрахань станет для Бакинской коммуны важнейшим, а в некоторые периоды и единственным.

Микоян, по его собственным словам, принимал участие в национализации местного отделения Русского для внешней торговли банка, но (опять же по его признанию) абсолютно ничего

не понимая в банковской деятельности, ограничился тем, что наклеил бумажные пломбы на все банковские сейфы, а печать банка изъял и отнёс в помещение Баксовета.

Далее события стали развиваться по наихудшему сценарию. Российская Кавказская армия, три года назад вошедшая в Трапезунд и занявшая обширные территории Турции, прекратила существование и сдала без боя все отвоёванные рубежи. Командование турецких вооружённых сил обнаружило, что противник исчез. Путь на Баку был открыт.

Уже 25 мая 1918 года турецкие войска заняли Елисаветполь (Гянджу) и стали готовиться к наступлению на Баку. По тем временам – это примерно две недели марша, через Шемаху и Геокчай.

Бакинские армяне – а их было до ста тысяч – оказались заложниками ситуации. Турецкий марш к берегам Каспия обещал новую резню, реки крови. Интересы армянских националистов и большевиков снова полностью совпали, но договориться не удалось. Дашнаки создали свои отряды, большевики – свои, Красную армию. Бежать бакинским армянам было некуда – за спиной море, край земли. Законы стратегии велели выдвигаться навстречу неприятелю, навязывая ему бои на дальних подступах. Так в конце весны 1918 года армянские боевые дружины выступили из Баку в сторону Елисаветполя, чтобы сойтись с врагом на горной дороге в районе городка Геокчай.

Микоян настоял на том, чтобы его направили в действующие части, и был назначен комиссаром 3-й бригады (добровольческой дружины) под командованием дашнака Амазаспа Срванцтяна. В другие бригады были направлены большевики Иван Габишев и Авраам Гулоян.

Амазасп, как следует из признаний самого Микояна, не проявил к нему большого уважения. Между большевиками и дашнаками был возможен лишь временный и шаткий союз, и только на платформе совместного противодействия азербайджанским националистам и турецким войскам. Формально отряд Амазаспа, весьма мощный (более 3 тысяч штыков), входил в состав Красной армии, на деле же действовал самостоятельно.

Амазасп, по всей видимости, просто попытался проигнорировать молодого комиссара.

Бригада заняла город Геокчай, где сходились дороги на Елисаветполь (Гянджу), Мингечевир и Кюрдамир, здесь столкнулась с передовыми частями наступающих турецких войск и заняла оборону. Все важные решения Амазасп принимал самостоятельно, либо в узком кругу старших командиров. Комиссар Микоян не был допущен в этот круг, и по собственной инициативе занялся тыловым обеспечением, подвозом хлеба на передовые позиции. В тех условиях – самое разумное решение.

Однако до масштабного боевого столкновения дело не дошло. Турецкие войска многократно превосходили отряд в численности и стали обходить город с флангов. Под угрозой окружения Амазасп решил отступить в Шемаху.

Микоян описал геокчайский эпизод своей военной биографии достаточно подробно. Это была его вторая война, боевой опыт пригодился. Но, к сожалению, комиссар Микоян не имел опыта штабных интриг. О запланированном отступлении ему никто не сообщил. Когда Микоян в очередной раз приехал в расположение отряда, он увидел колонны солдат, уходящие в тыл, на восток. Комиссар Микоян попытался остановить колонну с оружием в руках. Солдаты вернулись, но на следующий день отступление продолжилось. Попытка поговорить с Амазаспом ни к чему не привела – тот отмахнулся от упреков молодого комиссара. Обдумав происходящее, Микоян решил, что имеет дело с предательством, верхом добрался до ближайшего телеграфа и отправил сообщение Шаумяну, потребовал привлечь Амазаспа к суду.

Далее произошёл неприятный инцидент, дорого обошедшийся Микояну. Его телеграмма попала в руки секретаря Шаумяна Ольги Шатуновской, молодой девушки, и она, по неопытности, передала текст в редакцию газеты «Бакинский рабочий». 22 июля телеграмма была опубликована. Амазаспу доложили, что комиссар Микоян публично обвинил его в измене. Это было тяжкое оскорбление. Охрана Амазаспа попыталась избить Микояна, чудом дело не дошло

до стрельбы. Микоян уехал из отряда и больше туда не возвращался. 25 июля он вернулся в Баку.

Ольга Шатуновская впоследствии оставила воспоминания, записанные публицистом и философом Григорием Померанцем, «Следствие ведёт каторжанка». Она утверждает, что дашнак Амазасп несколько раз подсылал к Микояну убийц; в юного комиссара стреляли из-за угла, он чудом остался жив.

Судьба Амазаспа сложилась трагически. После полного установления советской власти в Закавказье он был арестован и в 1921 году умер в тюрьме в Эривани.

Оказавшись в Баку, Микоян увидел, что политическая и военная ситуация развернулась. Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов большинством голосов высказался за то, чтобы пригласить в город английские войска. 4 августа 1918 года на пирс Бакинского порта сошли первые подразделения Британского экспедиционного корпуса. Прибыли они из Персии, и это было не вторжение: их пригласила законная на тот момент власть. Формальности были соблюдены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.